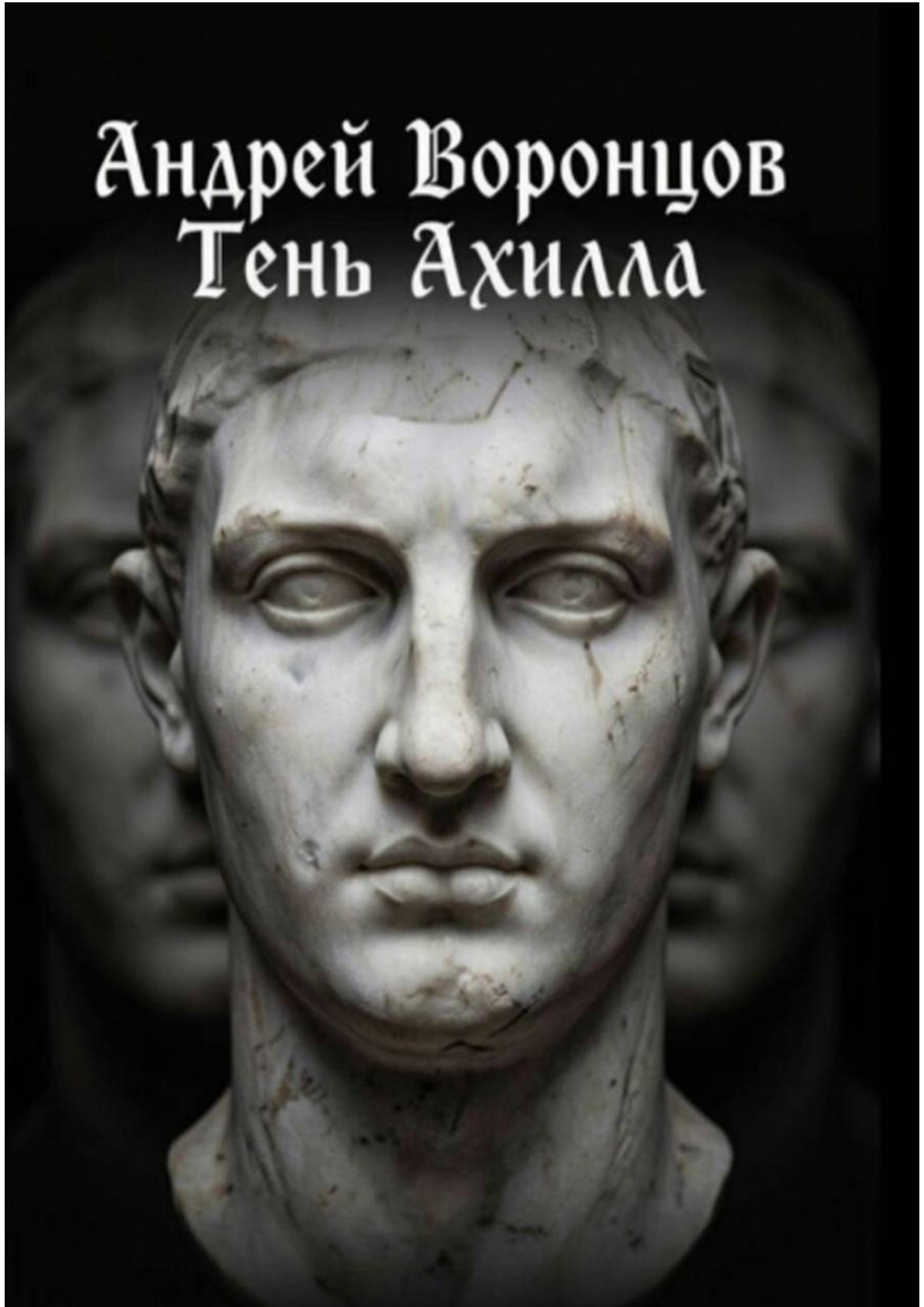
Андрей Воронцов
Тень Ахилла



Андрей Воронцов

Тень Ахилла

«Автор»
2026

Воронцов А.

Тень Ахилла / А. Воронцов — «Автор», 2026

Главный герой, историк-античник, разбирая вещи в квартире умершей тётки, находит саквояж деда, участвовавшего в вывозе трофейных ценностей в 1945 году. Внутри — фотография мраморной головы и сопроводительная ведомость на ящик, пропавший в 1946-м. Голова, предположительно эллинистический оригинал, исчезла из научного оборота в декабре 1942 года.Начав расследование, герой выходит на след секретной операции, которую в годы войны проводила нацистская организация Аненербе в оккупированной Керчи.

© Воронцов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. «ДОМ НА ПРЕЧИСТЕНКЕ» 8
ГЛАВА 2. «ЛАКУНА» 12
ГЛАВА 3. «МИТРИДАТСКИЙ ТУПИК» 16
ГЛАВА 4. «ЭРМИТАЖ. ЗАКРЫТЫЙ КАТАЛОГ» 21
ГЛАВА 5. «ТЕНЬ ВЕНЕРЫ» 26
ГЛАВА 6. «ДОЧЬ» 32
ГЛАВА 7. «ПРОВЕНАНС ЛЖИ» 39
ГЛАВА 8. «ГРАНИЦА ЛЬДА» 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Андрей Воронцов
Тень Ахилла

ПРОЛОГ

Фонарь выхватил из темноты узкий участок бетонной стены. Алексей Потоцкий остановился и направил луч ниже, туда, где по серой поверхности стекала тонкая струйка воды. Она собиралась в небольшую лужу у самого края пола, а затем исчезала в темноте, словно подземелье медленно поглощало само себя.

Коридор был тесным и длинным. Бетонные стены покрывал налет времени, местами проступали ржавые потеки, а под потолком тянулись толстые трубы, назначение которых Потоцкий мог только угадывать. Воздух пах сыростью, старым металлом и чем-то еще — едким, химическим, давно выветрившимся, но все-таки сохранившимся в этих стенах.

Он поднял фонарь и задержал свет на небольшой металлической табличке, прикрепленной к стене. На ней еще можно было разобрать надпись: Siemens, 1941. Потоцкий провел пальцами по краю таблички, стряхнул пыль. Немецкое оборудование. Значит, помещение существовало здесь еще во время войны, а возможно, и раньше. Он вспомнил, как несколько лет назад купил этот фонарь у старика в одной из крымских лавок. Тогда продавец уверял, что вещь принадлежала немецкому инженеру, работавшему на секретном объекте. Потоцкий не поверил ему, но фонарь купил. Теперь эта случайная покупка казалась странным совпадением.

Он двинулся дальше. Под подошвами негромко хрустел мелкий каменный мусор. Коридор постепенно расширялся, и вскоре луч фонаря уперся в стену, на которой, казалось, не было ничего примечательного. Потоцкий уже собирался повернуть назад, когда заметил справа неглубокую нишу. Она была почти полностью скрыта за выступом бетонной кладки. Внутри находилась стальная дверь без ручки и замочной скважины. На ее поверхности сохранилась прямоугольная табличка с надписью, сделанной латинскими буквами:

Katalog der verlorenen Schatten.

Каталог утраченных теней.

Потоцкий несколько секунд смотрел на эти слова, пытаясь понять, что они могут означать. Название больше подходило для литературного произведения или философского трактата, чем для двери в подземном сооружении. Он провел ладонью по металлу, обнаружил сбоку небольшую выемку и нажал на нее. Сначала ничего не произошло. Затем где-то внутри механизма щелкнуло, и дверь медленно подалась вперед.

За ней оказалось помещение, которое явно не использовали уже много лет. В свете фонаря проступили металлические столы, шкафы с мутными стеклянными дверцами и несколько лабораторных приборов неизвестного назначения. На одном из столов стояли колбы, покрытые толстым слоем пыли. В углу виднелась раковина с длинным изогнутым краном, а над ней — ряд полок, на которых сохранились пустые стеклянные сосуды. Все выглядело так, будто люди покинули лабораторию внезапно, не позаботившись ни о том, чтобы убрать оборудование, ни о том, чтобы закрыть помещение.

Потоцкий вошел внутрь и медленно осмотрелся. Здесь было холоднее, чем в коридоре. Он почувствовал слабый запах химикатов, хотя не мог определить, откуда именно он исходил. На дальней стене находилась еще одна ниша, прикрытая деревянной панелью. Панель держалась на двух металлических петлях и легко открылась, когда он потянул за край.

Внутри стоял небольшой деревянный ящик.

Он был сделан из темного дерева, без каких-либо надписей или украшений. Крышку удерживали две потускневшие латунные защелки. Потоцкий осторожно откинул их и приподнял

нял крышку. Под ней лежал плотный слой ткани, пожелтевшей и местами истлевшей. Он отогнул ее и увидел человеческую голову из белого мрамора.

Скульптура была меньше натуральной величины. Лицо мужчины отличалось правильными, но не идеальными чертами: высокий лоб, прямой нос, глубокая посадка глаз. Переносица была повреждена, на щеке тянулась тонкая трещина. Камень местами потемнел, а на шее виднелись следы старого скола. Однако Потоцкого поразило не состояние предмета и даже не мастерство исполнения. В выражении лица было что-то необычное — едва уловимая печаль, почти детская растерянность, не соответствующая мужественным чертам.

Он осторожно поднял голову и повернул ее к свету. Лицо изменилось: тени легли иначе, подчеркнув асимметрию губ и напряжение вокруг глаз. Казалось, скульптор стремился передать не внешность определенного человека, а мгновение внутреннего переживания, которое невозможно было удержать ни словами, ни жестом.

Потоцкий знал античную скульптуру достаточно хорошо, чтобы не делать поспешных выводов. Перед ним могла быть римская копия греческого оригинала, а могла — работа значительно более позднего времени. Но пропорции лица и характер моделировки напоминали эллинистическую традицию. Он еще раз внимательно осмотрел голову, задержавшись на поврежденном носе и линии подбородка.

Ахилл.

Имя возникло само собой. Потоцкий не мог объяснить, почему именно оно пришло ему в голову, но теперь уже не сомневался, что скульптура должна была изображать героя Троянской войны. Возможно, это была одна из многочисленных интерпретаций его образа, созданная в кругу мастеров, ориентировавшихся на Лисиппа. Впрочем, для подобных предположений требовалось серьезное исследование. Одного взгляда было недостаточно.

Он поставил голову обратно в ящик, но крышку закрывать не стал. В помещении стояла такая тишина, что Потоцкий отчетливо слышал собственное дыхание. Где-то за стеной капала вода. Он уже собирался достать телефон, чтобы сделать несколько снимков, когда заметил, что выражение мраморного лица словно изменилось. Разумеется, это была игра света, но ощущение оказалось настолько отчетливым, что он невольно отступил на шаг.

И тогда услышал голос.

Сначала ему показалось, что кто-то произнес слово за его спиной. Потоцкий резко обернулся, направив фонарь на дверь. Коридор оставался пустым. Он снова посмотрел на скульптуру и отчетливо услышал незнакомую речь. Голос звучал негромко, почти шепотом, но слова были ясными. Это был древнегреческий.

Потоцкий знал язык достаточно хорошо, чтобы понять сказанное, хотя в первые мгновения отказывался верить собственному слуху. Он попытался разобрать фразу еще раз, но голос умолк. В лаборатории снова воцарилась тишина.

Затем из коридора донеслись шаги.

Они приближались медленно, без попытки скрыть присутствие человека. Потоцкий схватил фонарь и направил его на дверной проем. Свет дрогнул в руке. За стальной дверью кто-то остановился.

— Алексей. Мы знаем, что вы здесь. И нам нужно поговорить.

Голос был мужским, спокойным, с едва заметным московским акцентом. В нем не слышалось угрозы, но именно это спокойствие заставило Потоцкого почувствовать тревогу. Незнакомец произнес его имя так, словно давно его знал и был уверен, что встреча рано или поздно состоится.

Потоцкий хотел ответить, но не смог произнести ни слова. Свет фонаря вдруг стал невыносимо ярким, стены поплыли, а мраморное лицо в ящике начало терять очертания. Последнее, что он увидел, — глаза Ахилла, устремленные куда-то поверх него, словно скульптура смотрела не на человека, а сквозь время.

Потоцкий открыл глаза.

Он лежал в темной комнате, не сразу понимая, где находится. Несколько секунд ушло на то, чтобы различить очертания потолка и знакомый силуэт шкафа. За окном еще не рассвело. На часах было без четверти пять.

Сон оказался настолько отчетливым, что Алексей по-прежнему чувствовал холод подземного помещения и запах старого металла. Он сел на кровати, провел ладонями по лицу и попытался восстановить последовательность увиденного. Стальная дверь, немецкая надпись, лаборатория, мраморная голова. И голос, произнесший его имя.

Потоцкий посмотрел на часы еще раз. До утра оставалось совсем немного.

Первый спуск должен был состояться утром.

ГЛАВА 1. «ДОМ НА ПРЕЧИСТЕНКЕ»

Ключ провернулся в замке только с третьей попытки. Личинка была старая, еще советская, и Потоцкий уже не раз собирался ее заменить, но все время откладывал. Он надавил плечом на дверь. Филенка подалась, и в лицо пахнуло нафталином, книжной пылью и чем-то сладковатым — то ли застоявшимся воздухом, то ли старой бумагой. Он перешагнул через порог, поставил сумку на пол и не стал сразу снимать обувь.

В прихожей было темно. Потоцкий нашарил выключатель и щелкнул пожелтевшей пластиковой клавишей. Под потолком загорелась старая лампочка, едва ли мощнее сорока ватт. Ее тусклый свет выхватил из полумрака буфет с резными дверцами, вешалку с оленьими рогами и драповое пальто, висевшее на плечиках. Потоцкий помнил его здесь столько, сколько себя помнил. Тетка Анна Павловна носила это пальто до середины восьмидесятых, а потом перестала, но снять его так и не собралась. Рукав теперь покрывал ровный слой пыли.

Он вдруг подумал, что тетка перестала следить за квартирой задолго до смерти. Сначала перестала мыть полы, потом вытирать пыль, затем проветривать комнаты. Потоцкий приезжал примерно раз в полгода и каждый раз делал вид, что ничего не замечает. Теперь некого было обманывать.

Он прошел на кухню, открыл кран. Сначала из трубы потекла рыжая вода, но через полминуты она посветлела. Потоцкий налил чайник и поставил его на плиту. Газовая конфорка зажглась короткой вспышкой. Плита была такой же старой, как и весь дом, с эмалированными ручками и потемневшей поверхностью.

Квартира на Пречистенке досталась ему от тетки, умершей в марте. Анна Павловна Потоцкая, младшая сестра деда, скончалась тихо, во сне, не дожив трех месяцев до восьмидесяти восьми лет. Похороны получились скромными: сам Потоцкий, две соседки, женщина из собеса и священник, которого тетка в последние годы полюбила и называла «мой утешитель».

Стоя у могилы и глядя на гроб, обитый красной тканью с золотым крестом, Алексей думал о том, что из всех Потоцких, кроме него, больше никого не осталось. Отец ушел из семьи, когда ему было девять, и сгинул где-то в Сибири. Мать умерла в 2005 году. Дед — еще в 1982-м. Теперь не стало и тетки.

За окном открывался привычный московский двор-колодец. Пятиэтажные стены почти не пропускали свет, а из ближайшей забегаловки тянуло жареным луком. Москва жила своей обычной жизнью, совершенно не замечая, что кто-то умер.

Квартиру предстояло разбирать. За сорок лет, прошедших с тех пор, как после смерти деда Анна Павловна перебралась в его комнату, а свою заперла, здесь скопилось столько вещей, что Потоцкий всякий раз чувствовал себя археологом, вскрывающим очередной культурный слой. Гостиную он уже разобрал: вывез старый телевизор «Рекорд», три электрических самовара, стопку журналов «Огонек» начала восьмидесятых и коробку с надписью «пуговицы белые, от всех пальто». Теперь оставался кабинет.

Кабинет деда.

Потоцкий помнил эту дверь с самого детства. Тяжелая дубовая филенка, латунная ручка, отполированная до блеска чужими ладонями. Когда он был маленьким, комната казалась ему входом в святилище — туда, где дед разговаривал по телефону с невидимыми людьми, где пахло табаком и сургучом, где на столе лежали бумаги, к которым запрещалось прикасаться.

Он хорошо помнил один случай. Ему было лет десять, когда он однажды приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Дед сидел за столом и даже не обернулся. Только через минуту, продолжая смотреть в бумаги, произнес:

— Закрой дверь, Алеша. Не сейчас.

Потоцкий тогда послушался. И больше в кабинет без разрешения не заходил.

Он допил чай, сполоснул чашку и вернулся в коридор. Дверь находилась в торце, рядом с кладовкой. Ключ оставался в замочной скважине: тетка не запирала кабинет, но и сама старалась туда не заходить. Потоцкий повернул ручку.

В комнате пахло иначе, суше, с отчетливой нотой табака и старого переплетного клея. Кабинет был небольшим, около пятнадцати квадратных метров, с окном во двор. Вдоль левой стены стоял книжный шкаф до потолка, заполненный томами в темных переплетах. Справа располагался письменный стол из дубового шпона. На нем сохранились лампа под зеленым абажуром и бронзовый чернильный прибор, давно лишившийся чернил. На стене висела фотография в рамке: Павел Андреевич Потоцкий в форме майора, примерно 1944 или 1945 года. Жесткое скуластое лицо, светлые глаза, прямой взгляд без улыбки. Когда-то мать написала на обороте рамки карандашом: «Папа, 1945, Берлин».

Потоцкий опустился в кресло и машинально покрутил стоявший на столе глобус. Деревянный, довоенный, с надписью «Глобус. СССР. Издание ГУГК». Границы на нем давно устарели: Германия еще была единой, Польша оставалась в довоенных пределах. Он крутанул глобус сильнее, и континенты слились в одну цветную полосу.

Под столом стоял саквояж.

Он был задвинут в угол, между ножкой стола и книжным шкафом. Кожаный, с двумя латунными замками и потертой ручкой, обмотанной изолентой. Потоцкий помнил его с детства. Саквояж всегда стоял на одном и том же месте и всегда был заперт. Однажды, еще мальчишкой, Алексей попытался открыть замки из любопытства. Дед, обычно тихий и отстраненный, тогда неожиданно остановил его:

— Не трогай.

Сказано было спокойно, без крика, но таким тоном, что Алеша сразу отдернул руки. Больше он к саквояжу не прикасался.

Деда не было уже сорок лет. А саквояж все еще стоял там, где стоял прежде.

Потоцкий вытащил его на свет. Он оказался тяжелее, чем можно было предположить по размерам, — килограмма три, не меньше. Кожа потемнела и покрылась сеткой мелких трещин, но в целом сохранилась хорошо. Ключа нигде не было. Алексей сходил на кухню за отверткой, вернулся, вставил плоский конец в щель между замком и корпусом и осторожно надавил. Первый замок щелкнул и открылся. Второй поддался легче.

Внутри лежали бумаги. Сверху — машинописные ведомости, сложенные пополам. Бумага пожелтела, но текст оставался вполне читаемым. Потоцкий пробежал глазами несколько строк: «Опись перемещенных культурных ценностей. Дрезденская картинная галерея. Ящик № 112. Инв. № 145-К. Джорджоне. Спящая Венера. Холст, масло. Состояние: удовлетворительное». Ниже значилось: «Инв. № 147-К. Рафаэль Санти. Сикстинская Мадонна. Холст, масло. Состояние: удовлетворительное».

Обычная трофейная документация. Потоцкий знал, что дед участвовал в вывозе Дрезденской галереи в 1945 году. В семье об этом говорили скупо, но с оттенком гордости: спас, сохранил, вернул. Чем именно занимался майор Потоцкий — составлял описи, отвечал за упаковку или транспортировку, — никто не уточнял. Сам дед о войне почти не рассказывал. Как и многие ветераны, он возвращался с работы, запирался в кабинете и выходил к ужину молчаливым. На вопросы отвечал односложно. Мать обычно говорила: «Папа устал от войны».

Под ведомостями лежала серая картонная папка с тканевыми завязками, выцветшими почти до белизны. На верхней крышке черной тушью было выведено готическим шрифтом:

Sonderaktion P. Archiv Kertsch.

Ниже, уже знакомым почерком деда, карандашом было написано:

«Ахилл? Изъят Аненербе 15.12.42. Дальнейшая судьба неизвестна».

Потоцкий развязал тесемки и открыл папку.

Внутри находились фотографии. Черно-белые, с зубчатыми краями, напечатанные на плотной бумаге. На первой была золотая серьга с подвеской — скифская работа, ничего необычного. На второй — терракотовая статуэтка женской фигуры из Керчи. На третьей — фрагмент краснофигурного кратера с изображением грифона. Дальше шли амфорные ручки, монеты, бляшки. Обычные археологические находки, которые можно было встретить в любом музейном архиве.

Он перебирал снимки, автоматически отмечая детали, пока не дошел до последнего.

Эта фотография отличалась от остальных. Она была сделана не в поле и не в музейном зале, а в помещении, при тщательно выставленном направленном свете. На снимке виднелась мраморная голова мужчины, снятая в профиль. Масштабной линейки не было, однако по пропорциям можно было предположить, что скульптура была меньше натуральной величины. Свет подчеркивал следы резца на скуловой кости и глубокие отверстия буравчика в локонах. Снимок явно делали для искусствоведческого исследования, а не для служебной отчетности.

Потоцкий поднес фотографию к настольной лампе и стал рассматривать внимательнее.

Резец, судя по следам обработки, шел под углом примерно в тридцать градусов. Подобную технику использовали эллинистические мастера, снимая тонкий слой мрамора и оставляя поверхность матовой, а не полированной. Буравчик входил глубоко в завитки волос — на три-четыре сантиметра — и выходил под тем же углом. Такой прием мог указывать на школу Лисиппа, хотя для окончательного вывода требовалось дополнительное исследование.

Но больше всего его заинтересовала нижняя губа. Она заметно выступала над верхней, создавая асимметрию, которую трудно было принять за случайное повреждение. В римских копиях подобные особенности нередко сглаживали, стремясь приблизить лицо к привычному идеалу. Здесь же мастер сохранил эту неправильность, словно именно она была важна для замысла.

Потоцкий перевернул фотографию. На обороте готическим шрифтом была сделана немецкая надпись: «Marmorkopf. Achill? Kertsch, Dezember 1942». Ниже дед химическим карандашом добавил: «Эллинистический оригинал? Школа Лисиппа? Сравнить с берлинским Ахиллом».

Алексей отложил снимок и откинулся в кресле.

Если предположение было верным, речь шла о вещи музейного уровня. Возможно, об эллинистическом оригинале, созданном в кругу мастеров, связанных со школой Лисиппа, в конце IV века до нашей эры. Для Северного Причерноморья подобная находка имела бы исключительное значение. В Керчи, древнем Пантикапее, действительно находили множество памятников античного искусства, но мраморная голова такого уровня была бы сенсацией для всего антиковедения.

И все же ее как будто не существовало.

Потоцкий знал это достаточно уверенно. За двадцать лет работы с античной скульптурой он изучил практически все опубликованные каталоги эллинистических памятников Северного Причерноморья. Керченские находки — боспорские надгробия, терракоты, золото, фрагменты статуй — были описаны и переписаны многократно. Но мраморной головы, которую можно было бы связать со школой Лисиппа, не упоминали ни советские, ни немецкие, ни послевоенные публикации.

Она исчезла из научного оборота в декабре 1942 года.

Он снова взял фотографию. Надпись деда — «Эллинистический оригинал?» — говорила о том, что тот и сам не был уверен в атрибуции. В декабре 1942 года Павел Андреевич не мог находиться в Крыму: он служил в другом месте. Значит, фотография попала к нему позднее, возможно, уже после войны, когда началась работа с трофейными архивами. Дед обнаружил снимок, оценил возможное значение скульптуры, сделал несколько пометок, но почему-то не стал продолжать исследование.

Почему?

Потоцкий вернулся к папке. Под фотографиями лежали еще несколько листов, на этот раз русских. Машинописные документы с грифом «Для служебного пользования», датированные мартом 1946 года. Один из них был сопроводительной ведомостью на ящик:

«Ящик № 7/Керчь — скульптура малых форм, мрамор — передан т. Потоцкому П.А., Пиллау, 12 марта 1946 г.».

Он перечитал строку. Пиллау — порт в Восточной Пруссии, использовавшийся как перевалочный пункт для трофейного имущества. Дед принял ящик и расписался в ведомости. Подпись была почти неразборчивой, только в конце угадывался характерный завиток. Но самое странное обнаружилось ниже: графа «получатель» оставалась пустой. Не было указано, кому именно Потоцкий передал груз. Только входящий номер.

Алексей поднялся и подошел к окну. Во дворе уже стемнело, над асфальтом горел фонарь, отбрасывая косые тени. Он долго смотрел на них, пытаясь выстроить в голове последовательность событий. В декабре 1942 года из Керчи изымают мраморную голову, предположительно изображающую Ахилла. Спустя несколько лет, в марте 1946-го, через руки деда проходит ящик с керченской скульптурой. В документах не указано, кому он передал его дальше. А в семейном архиве оказывается фотография той самой головы с пометками Павла Андреевича.

Через десять минут Потоцкий вернулся к столу, открыл ноутбук и до двух часов ночи просматривал академические базы данных. Он поднял доступные каталоги и проверил несколько сочетаний ключевых слов: «Керчь, мраморная голова, 1942», «Аненербе, Керчь, изъятие», «Ахилл, мрамор, школа Лисиппа, Северное Причерноморье», «Marmorkopf, Kertsch, Achill».

Результат был один и тот же. Ничего.

Голова не значилась ни в одной музейной описи, ни в открытых, ни в доступных архивных каталогах. Создавалось впечатление, будто в декабре 1942 года ее вынули из истории и забыли положить обратно.

Он взял телефон, немного подумал и написал сообщение в Дрезден: «Приеду в конце месяца. Нашел кое-что по деду. Нужно проверить».

Ответ пришел через минуту:

«Ок. Жду».

Соня никогда не задавала лишних вопросов. В этом она пошла в мать.

Потоцкий посмотрел на экран, но писать больше ничего не стал. Вместо этого он снова задумался о фотографиях и документах. Было бы полезно поговорить с Леденевым. Когда-то они вместе начинали, слушали одни и те же лекции в МГУ, спорили о Гомере и пили портвейн на университетских ступенях. Но все это осталось в прошлом.

После истории с реституцией в 2015 году, когда Дмитрий неожиданно выступил против него на закрытом заседании экспертной комиссии, отношения постепенно сошли на нет. Сначала остались редкие сухие письма, потом и они прекратились. Теперь Леденев консультировал министерство, входил в какие-то комитеты, время от времени появлялся в новостях. Потоцкий не держал на него зла, но обращаться к нему сейчас с предположениями, которые пока больше походили на теорию заговора, не видел смысла.

Нужно было начать с простого: проверить документы, поднять бумажные архивы, найти сведения о ящике и попытаться установить, куда он попал после Пиллау. На следующий день следовало съездить в институт и посмотреть материалы, которые еще не были оцифрованы. А дальше…

Потоцкий посмотрел на фотографию мраморной головы. Дальше, похоже, придется лететь в Керчь..

ГЛАВА 2. «ЛАКУНА»

Наступления утра Потоцкий едва дождался. Ночь прошла беспокойно: он несколько раз просыпался, пытался читать, но всякий раз возвращался мыслями к фотографии из дедовой папки. Теперь, когда за окном постепенно светлел московский мартовский день, оставаться без дела было уже невозможно.

Растворимый кофе оказался плохой заменой зерновому, который Потоцкий всегда предпочитал, но другого в квартире не нашлось. Он залил сублимированный порошок кипятком и устроился за столом в дедовом кабинете. За окном разгоралось серое утро: два градуса тепла, гололед, пробки на Садовом. Москва начинала обычный день, не подозревая, что в одной из квартир на Пречистенке человек пытается восстановить историю предмета, которого, судя по всему, никогда не существовало.

Потоцкий открыл ноутбук и первым делом проверил почту. Три письма от заказчиков: два аукционных дома и частный коллекционер из Тель-Авива, который уже в третий раз просил подтвердить подлинность римской бронзы. В прошлый раз Потоцкий отправил ему заключение на восьми страницах с приложением спектрального анализа. Видимо, результат не устроил заказчика. Люди часто хотели слышать только то, что подтверждало их ожидания. Он ответил коротко: «Заключение высылал 14 февраля. Дополнительных данных не имею».

Затем открыл базу перемещенных культурных ценностей — совместный российско-германский проект, запущенный в начале двухтысячных и с тех пор несколько раз приостанавливавшийся из-за политических разногласий. Интерфейс оставался неудобным, поиск работал медленно, но Потоцкий знал эту систему почти так же хорошо, как собственную квартиру. Он ввел номер ящика из дедовой ведомости: «7/Керчь».

Система думала четырнадцать секунд, после чего выдала: «Информация не найдена».

Он попробовал поиск по ключевым словам: «Керчь, мрамор, 1942, Аненербе». Ничего. «Ахилл, мраморная голова». Снова ничего. Запрос «Sonderaktion P» закончился сообщением об ограничении доступа.

Это могло означать что угодно: от технического сбоя до грифа, который не сняли до сих пор. Потоцкий сделал пометку в блокноте: «Проверить Sonderaktion P по бумажным описям. Архив Минкульта?».

Выйдя из базы, он открыл почтовый клиент и нашел адрес Керченского музея древностей — того самого, откуда в декабре 1942 года была изъята голова. Письмо составил короткое, без лишних подробностей:

«Уважаемые коллеги! Я, Потоцкий Алексей, доктор исторических наук, специалист по античной скульптуре Северного Причерноморья, разыскиваю информацию о мраморной голове, предположительно изъятой из фондов музея в декабре 1942 года. Буду благодарен за любые сведения. Готов предоставить фотоснимок».

К письму он прикрепил скан фотографии из дедовой папки — голову в профиль, снятую при боковом освещении. Несколько секунд смотрел на изображение, прежде чем нажать кнопку отправки. Ему казалось, что именно эта фотография должна была вызвать у кого-нибудь воспоминание или хотя бы настороженность. Но он не мог знать, сохранилось ли в музее хоть что-нибудь, что относилось к тем событиям.

Телефон коротко звякнул. Сообщение от бывшей жены: «Соня спрашивает, когда ты прилетишь. Скажи точнее, ей нужно расписание».

Потоцкий посмотрел на календарь. Он действительно обещал дочери приехать, но последние дни все время находились какие-то дела, требовавшие его внимания. Он написал: «Дней через десять. Куплю билеты сегодня». Марина не ответила. Он и не ждал.

До института Потоцкий решил добраться на метро. Поезд был почти пустым: час пик уже закончился. Он сел у окна, достал планшет и открыл статью о школе Лисиппа, которую не дочитал накануне. Немецкий профессор с трудно произносимой фамилией доказывал, что поздние эллинистические портреты Александра имеют общие черты с неизвестной группой памятников из Северного Причерноморья. Возможно, эти произведения были вывезены из Ольвии или Пантикапея. Потоцкий пролистывал абзацы, пока поезд приближал его к станции «Библиотека имени Ленина», и думал о том, что автор, сам того не зная, описывает приемы обработки мрамора, которые он видел на дедовской фотографии.

Институт археологии РАН занимал часть старого здания в Леонтьевском переулке. Потоцкий прошел через проходную, кивнул вахтеру, который его помнил, несмотря на отсутствие постоянного пропуска, и поднялся на третий этаж. Коридор с высокими потолками тянулся почти до самого конца здания. На стенах висели выцветшие афиши конференций трехлетней давности, а в воздухе стоял привычный запах старого линолеума.

У кабинета 312, где располагался отдел античной археологии, Потоцкий остановился и постучал. Лариса Петровна, бессменный хранитель отдела, сидела за столом, заваленным папками и распечатками. Ей было под семьдесят; очки на цепочке свисали у нее на груди, а печатала она двумя пальцами с такой скоростью, что молодые коллеги могли бы позавидовать. Увидев Потоцкого, она сняла очки и улыбнулась.

— Алеша. Живой. А говорили, ты в коммерцию ушел.

— Я и ушел, — ответил он. — Но это не мешает мне быть живым. Лариса Петровна, можно в архив? Мне нужно поднять кое-что по довоенным описям Керченского музея.

— Керчь? — Она поправила очки. — Довоенные описи — это фонд тридцать семь. Ты знаешь, он в подвале.

— Знаю.

— И он не оцифрован.

— Это тоже знаю.

Лариса Петровна вздохнула, выдвинула ящик стола, достала ключ с биркой и протянула ему.

— Распишись. И не кури там, пожалуйста.

— Я не курю.

— Ты-то не куришь, а вот до тебя там практиканты что-то чуть не сожгли.

Подвал оказался именно таким, каким Потоцкий его помнил: бетонный пол, стальные стеллажи, лампы дневного света, гудевшие с частотой, от которой через час начинала болеть голова. Воздух был сухим, почти больничным, но в нем сохранялся особый запах старых архивов. Пахло не бумагой и не картоном, а временем — тем, что остается от документов, когда чернила выцветают, а страницы желтеют.

Потоцкий любил это ощущение. Оно напоминало ему, что любая история, даже самая мертвая, когда-то была живой: ее записывали чьей-то рукой, читали чьи-то глаза, обсуждали люди, давно исчезнувшие из мира. Он нашел фонд 37 в дальнем углу, среди четырех стеллажей, и достал первую папку с полки, обозначенной табличкой «Керченский музей. Описи. 1938–1941».

Довоенные описи велись от руки, чернилами разных цветов. Почерк музейных работников был разборчивым, почти каллиграфическим. Потоцкий листал страницу за страницей, выискивая упоминания мраморной скульптуры. Золото — десятки позиций. Терракота — сотни. Керамика — отдельная опись. Мраморных предметов было всего несколько, и все они давно известны: фрагмент надгробия, мужской торс, женская голова римского времени. Никакого Ахилла.

Он проверил записи дважды, затем взял следующую папку — «Акты изъятия и передачи. 1941–1943». Бумага здесь была хуже, военного времени, желтоватая, с рыхлыми кра-

ями. В акте за декабрь 1942 года перечислялись предметы, изъятые в пользу Аненербе: золотые украшения, терракотовые статуэтки, фрагменты керамики. В самом конце обнаружилась приписка: «Мраморная голова (фрагмент), инв. № отсутствует». Под ней стояла размашистая, почти неразборчивая подпись немецкого офицера.

Потоцкий задержал взгляд на этой строке. Инвентарного номера не было. Значит, голову могли обнаружить незадолго до изъятия, и музейные работники просто не успели внести ее в основную опись. Но существовала и другая возможность: предмет намеренно не регистрировали. В довоенной музейной практике подобное случалось редко — учет полагался даже самым незначительным находкам. Однако война меняла правила. Когда фронт приближается к городу и каждый день может оказаться последним, учет становится роскошью, а иногда и помехой. Нужно успеть вывезти то, что еще можно спасти. До описей руки могли дойти потом. Если бы это «потом» наступило.

Он переснял страницы на телефон и вернул папку на место.

В коридоре его перехватил Марк Ильич, заведующий отделом. Это был человек шестидесяти с лишним лет, с бородкой клинышком и привычкой говорить тихо, словно каждое замечание содержало государственную тайну.

— Потоцкий. Слышал, ты Керчью интересуешься.

— Есть немного.

Марк Ильич покачал головой.

— Аккуратнее. Там, — он сделал паузу, — не все просто.

— Что именно?

— Не знаю. Но был один случай. Году в девяносто восьмом приезжал немец. Тоже Керчью интересовался, расспрашивал про немецкие экспедиции военного времени, про Аненербе, какие-то документы искал. А потом исчез. В смысле, уехал и больше не появлялся. Может, нашел, может, наоборот.

Он посмотрел на Потоцкого поверх очков.

— Ты, главное, не исчезай.

— Я и не планирую, — ответил тот.

Уже выйдя из кабинета, Потоцкий поймал себя на том, что фраза Марка Ильича застряла в голове. Не исчезай. Он и раньше слышал о каком-то иностранце, пропавшем в Крыму, но никогда не придавал этому значения. Теперь же слова заведующего прозвучали иначе. Возможно, Марк Ильич действительно хотел его предостеречь. А возможно, просто знал больше, чем собирался рассказать.

Из института Потоцкий вышел около четырех. На улице потеплело до четырех градусов, снег на газонах съежился и почернел. Он остановился у входа, достал телефон и проверил почту. Из Керченского музея по-прежнему не отвечали. Он пролистал новостную ленту, задержав взгляд на нескольких заголовках о санкциях, курсе евро и аварии на МКАДе, но содержание не отложилось в памяти. Все это казалось далеким, почти ненастоящим, словно происходило за окном скоростного поезда.

Он вызвал такси и поехал домой.

Вечер Потоцкий посвятил систематизации материалов. На столе в дедовом кабинете постепенно собрались фотография головы, записка, сопроводительная ведомость 1946 года и снимки архивных страниц. Он открыл новый файл и начал составлять хронологию.

Декабрь 1942 года. Керчь. Голова изъята Аненербе.

1943–1945 годы. Местонахождение неизвестно.

Март 1946 года. Пиллау. Ящик № 7 передан П. А. Потоцкому.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Между второй и третьей строками зиял провал почти в три года. За это время мраморная голова могла оказаться где угодно: в лаборатории, в частной коллекции, в штольне, в подвале

европейского музея или просто исчезнуть, как исчезали тысячи музейных предметов во время войны.

Потоцкий еще раз посмотрел на ведомость. Графа «Получатель» оставалась пустой. Но номер ящика — «7/Керчь» — был вписан теми же чернилами, что и остальной текст. Значит, номер присвоили сразу, еще на этапе оформления документов. Если ящик принимали дальше по цепочке, кто-то должен был где-то расписаться.

Он снова открыл базу перемещенных культурных ценностей, на этот раз через прокси-сервер в Германии, чтобы обойти ограничения доступа. Перешел в немецкий сегмент и ввел номер ящика.

Система выдала короткую справку:

«Kiste Nr. 7/Kertsch. Empfänger: Sonderstab Antike, Berlin-Dahlem. 17.03.1946».

Потоцкий перечитал строку. Sonderstab Antike — особая группа по античности. Он никогда не слышал о такой структуре. В официальных перечнях трофейных организаций она не значилась ни с советской, ни с немецкой стороны. Он попробовал найти название в поисковике. Ноль результатов. В научной литературе — тоже ничего. Архивные справочники не давали ни одной зацепки.

Организация, которой не существовало.

Он закрыл ноутбук и некоторое время сидел, глядя в потолок. Мысль, которую он отгонял последние сутки, теперь приобрела вполне определенные очертания. Дед знал. По крайней мере, знал достаточно, чтобы сохранить документы и спрятать их в запертом саквояже. Но что именно он хотел этим сказать? Оставил ли папку для кого-то — для Алексея или для другого человека? Или просто не смог уничтожить то, что хранил столько лет?

Потоцкий не находил ответа. Он мог строить предположения, но пока у него были только фотография, несколько документов и название организации, которой не было ни в одном справочнике.

Он взял телефон и купил билеты до Керчи на послезавтра. Вылет в шесть утра, пересадка в Симферополе, на месте — к полудню. Затем открыл переписку с Соней и написал: «Куплю билеты в Дрезден после возвращения из Крыма. Нужно съездить на пару дней».

Ответ пришел не сразу.

«Ты что-то ищешь?»

«Пока не знаю».

«Ок. Береги себя».

Потоцкий отложил телефон и подошел к окну. Москва за стеклом жила своей обычной жизнью: светились окна соседних домов, шумел лифт, где-то наверху сосед слушал подкаст на повышенной громкости. Он смотрел на двор и думал о том, что завтра ему предстоит разговор с человеком, который, возможно, видел эту голову собственными глазами. Или хотя бы знал тех, кто видел.

.

ГЛАВА 3. «МИТРИДАТСКИЙ ТУПИК»

Самолет приземлился в Симферополе в восемь сорок по местному времени. Потоцкий вышел из терминала, миновал таксистов, наперебой предлагавших довезти его до Ялты за бешеные деньги, и нашел автобус до Керчи. Автобус оказался старым, с продавленными сиденьями и неработающим кондиционером. Алексей сел у окна, надел наушники и откинулся на спинку кресла.

Симферополь заканчивался постепенно: сначала за окном потянулись частные дома с виноградниками, затем бетонные заборы гаражных кооперативов, пустыри, заросшие сухой травой и лопухами. За ними начиналась степь. Потоцкий не уставал смотреть на нее. Она была бесконечной, плоской, однообразной и от этого завораживающей. В степи почти исчезали краски, оставались только оттенки желтого, бурого и серого. Иногда среди них проступала бледная зелень озимых. Низкое небо с рваными облаками словно прижимало землю к морю, которое ждало где-то за горизонтом.

В Керчь автобус прибыл в начале первого. На автовокзале пахло выхлопными газами и чебуреками. Потоцкий взял такси и поехал в гостиницу. Керчь не пыталась нравиться приезжим. Сталинские пятиэтажки с лепниной соседствовали с хрущевками, те — с новостройками из белого кирпича, а за ними начинались руины, затянутые строительной сеткой. Война, перестройка и последовавший за ней распад Союза оставили на городе свои следы. Но в этом была своя правда, которую Потоцкий, привыкший к московским отреставрированным фасадам и ухоженным газонам, не мог не уважать. Керчь была честной. Она не притворялась, что не видела смерти.

В гостинице он бросил рюкзак на кровать, проверил телефон и обнаружил, что из Керченского музея так и не ответили. Потоцкий написал еще раз, коротко сообщив, что уже находится в городе и готов подойти лично. Отправлять третье письмо он не собирался.

К часу дня Алексей стоял перед зданием музея на улице Айвазовского. Одноэтажный белый особняк с колоннами выглядел как классическая южная усадьба, перестроенная под музей еще до войны. Внутри было тихо и пусто: туристический сезон закончился. Пахло мастикой для полов и старым деревом. Потоцкий купил билет и прошел в зал античности.

Экспозиция оказалась скромной: несколько витрин с золотыми украшениями, терракотовые статуэтки, амфоры, фрагменты надгробий. Он медленно прошел вдоль стеклянных стендов, машинально отмечая инвентарные номера. Ничего похожего на мраморную голову среди экспонатов не было. Впрочем, он и не рассчитывал найти ее здесь.

У третьей витрины стоял пожилой мужчина в сером халате и протирал стекло. Невысокий, с седой щетиной и глубокими залысинами, он двигался неторопливо, но руки у него были точными — так работают люди, привыкшие иметь дело с хрупкими предметами.

— Вы хранитель? — спросил Потоцкий.

Мужчина обернулся и посмотрел на него.

— Допустим. А вы?

Потоцкий представился. Мужчина выслушал, кивнул.

— Фемистоклов. Георгий Христофорович. Археолог. Бывший.

— Бывший?

— На пенсии. Семьдесят два года. Копать уже не дают, а здесь разрешили витрины протирать. — Он усмехнулся. — Так что, можно сказать, повезло.

Потоцкий достал из рюкзака распечатку фотографии из дедовой папки.

— Я ищу вот это. Мраморная голова, предположительно эллинистический оригинал. Изъята из Керченского музея в декабре сорок второго года.

Фемистоклов взял снимок. Некоторое время рассматривал его, затем снял очки, протер стекла краем халата и снова посмотрел на фотографию.

— Декабрь сорок второго, — произнес он. — Аненербе?

— Да. Вы что-то об этом знаете?

— Знаю, что в конце сорок второго немцы что-то вывозили из музейных подвалов. У них была какая-то особая команда. Не просто зондеркоманда, а что-то другое. Из Берлина. Копали на Митридате, копали в некрополе. И музейные фонды трясли. Что именно взяли, бог знает. Многое тогда погибло. Описи тоже пропали.

— Пропали?

— Сгорели. Или были уничтожены. По официальной версии, при отступлении в сорок четвертом. По неофициальной... — Он развел руками.

Потоцкий не торопил его.

— Есть одна история, — продолжил Фемистоклов. — Даже не история, скорее семейное предание. Мой отец тоже был археологом, до войны здесь работал. Во время оккупации остался в Керчи, не успел эвакуироваться. Немцы его не тронули: город он знал хорошо, особенно Митридат и старые каменоломни. Заставляли показывать раскопы, водить по подземным ходам. Уже потом, в семидесятых, отец кое-что рассказывал. Говорил, что немцы искали не просто золото или какие-то ценности. Им нужна была определенная вещь. Статуя или ее часть.

— Голова?

— Не знаю. Он не уточнял. Только повторял одну странную фразу: «Им нужна была тень». Так и говорил — «тень». Я тогда решил, что это метафора.

Потоцкий почувствовал знакомый холодок. Не страх, скорее внезапное узнавание. Слово, которое он уже видел в документах. *Schatten*. Тень.

— Ваш отец что-нибудь еще рассказывал?

— Он умер в восемьдесят втором. Не любил вспоминать оккупацию.

— А записи? Дневники?

Фемистоклов покачал головой.

— Ничего не осталось. После войны он боялся писать. Боялся вообще говорить. Понимаете, если человек работал на немцев, пусть даже под дулом автомата, для многих он все равно оставался коллаборационистом. Отца не посадили чудом. Он молчал до самой смерти.

— Но вам рассказал.

— Мне — да.

Фемистоклов снова снял очки, хотя на этот раз не стал их протирать.

— Он говорил: «Гоша, немцы там, на горе, такую дыру проковыряли, что мама не горюй. И все в эту дыру свозили. А потом, когда уходили, все взорвали». Я спрашивал, зачем им гора. Он отвечал: «Там земля старая. Очень старая. Она помнит то, чего люди не помнят».

Потоцкий некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

— Вы можете показать мне это место?

— Какое место?

— Где была штольня.

Фемистоклов задумался.

— Там ничего нет. Склон, кусты, мусор. С тех пор никто туда не ходил. Что вы хотите найти?

— Пока не знаю.

Старый археолог вздохнул, сложил тряпку, которой протирал витрину, и убрал ее в карман халата.

— Завтра у меня выходной. Приходите к девяти утра. Только оденьтесь потеплее: там ветер с моря.

Утро оказалось холодным. С моря действительно дул сырой, пронизывающий ветер. Потоцкий ждал у входа в музей. Фемистоклов пришел без двух девять, в старом брезентовом плаще и вязаной шапке, надвинутой почти до бровей. В руке он держал палку — не трость, а грубо обструганную деревянную палку с загнутым концом.

— Пошли, — сказал он вместо приветствия.

Они двинулись вверх по улице, миновали частные дома с виноградниками, ржавые гаражи и пустыри, заросшие сухой травой. Гора Митридат поднималась над городом. Вершину венчал обелиск Славы, который отсюда казался спичкой, воткнутой в камень.

— Нам не на вершину, — сказал Фемистоклов, сворачивая на едва заметную тропинку. — На западный склон. Там раньше были старые каменоломни, еще греческие. А потом, во время войны, немцы их расширили.

Тропинка петляла между кустами боярышника. Под ногами хрустели камни, из земли выступали пласты известняка. Потоцкий шел следом за проводником, стараясь не отставать. Ветер на открытом склоне становился сильнее.

Минут через двадцать Фемистоклов остановился.

— Здесь.

Потоцкий огляделся. Ничего примечательного: пологий склон, заросший травой и редким кустарником, выход скальной породы, покрытый лишайником. Чуть в стороне темнел провал. Неглубокий, метра полтора, почти целиком заросший травой. Если бы не знать, что искать, можно было пройти мимо.

— Это вход? — спросил Алексей.

— Точнее, то, что от него осталось. Видите бетонный край?

Из-под земли действительно выступал серый фрагмент бетона. Его поверхность была неровной, местами сохранились следы опалубки.

— Немцы укрепили вход, — объяснил Фемистоклов. — А когда уходили, подорвали. После войны саперы проверяли, говорили, что за ним какая-то пустота. Внутрь не полезли: опасно было, да и не до того. Засыпали и забыли.

Потоцкий подошел ближе и присел на корточки. Он внимательно осмотрел бетон, затем достал телефон и сделал несколько снимков.

— А ваш отец говорил, что они туда свозили?

— Ящики. Много ящиков. Он видел, как их разгружали ночью, при свете фар. Сказал, что это было похоже на похороны.

— На похороны?

— Да. Медленно, тихо, без разговоров. Как будто хоронили что-то. Или кого-то.

Потоцкий выпрямился и еще раз посмотрел на провал.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы помнить те события?

Фемистоклов покачал головой.

— Из стариков — никого. Наверное, я последний.

Он помолчал, опираясь на палку.

— А зачем вам это? Вы же историк. Ну, найдете вы эту голову. Что дальше?

— Не знаю, — ответил Потоцкий. — Пока не знаю.

Фемистоклов посмотрел на него и вдруг улыбнулся — невесело, одними уголками губ.

— Знаете, что отец говорил напоследок? «Если бы немцы хотели просто украсть, они бы украли. Но они делали нечто совсем другое». Я тогда не понял. А вы?

Потоцкий не ответил. Он стоял над заросшим провалом и смотрел на серый бетон. Рассказ Фемистоклова не давал ответа ни на один из вопросов, но теперь отдельные сведения складывались в более отчетливую картину. Немцы не просто вывезли какие-то музейные ценности. Они устроили под землей хранилище, свозили туда ящики, а перед отступлением взо-

рвали вход. И среди всего этого снова возникала тень — слово, которое уже встречалось ему в документах.

Фемистоклов тронул его за плечо.

— Замерзли? Пошли обратно. У меня дома чай есть, с мятой.

— Спасибо, — сказал Потоцкий. — Но мне нужно возвращаться. Завтра самолет.

— В Москву?

— Пока в Москву.

Они спустились в город. У здания музея Фемистоклов остановился, порылся в кармане плаща и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

— Вот. Это схема. Отец нарисовал перед смертью. Я хотел выбросить, но не смог. А вчера, после нашего разговора, вспомнил. Может, вам пригодится.

Потоцкий взял листок. Бумага была старой, на сгибах протерлась почти до дыр. На ней карандашом был изображен подземный ход: длинный коридор, несколько ответвлений и квадратное помещение в конце. Внизу стояла подпись: «К.У.Т.» и дата — 1981 год.

— «К.У.Т.», — прочитал Потоцкий. — Что это?

— Не знаю. Отец не объяснил.

Алексей сложил листок и убрал во внутренний карман куртки.

Вечером он сидел в гостиничном номере и снова разглядывал схему. Линия коридора, три ответвления, камера, зал. Инициалы «К.У.Т.». Он перебирал возможные расшифровки — немецкие, русские, латинские. «Katalog...» Нет. «Kunst...» Тоже не подходило. Слишком мало данных.

Он открыл ноутбук, вошел в немецкий сегмент архива и ввел «K.U.T.» в поисковую строку.

Пока система обрабатывала запрос, Потоцкий вспомнил слова Фемистоклова, сказанные уже после их возвращения в музей. Старый археолог, взявшись за ручку двери, вдруг обернулся:

— Вы знаете, Алексей, а ведь несколько лет назад, году в пятнадцатом, приезжал ваш московский коллега. Леденев, кажется. Спрашивал про старые каменоломни, про немецкие штольни. Я ему тогда ничего не рассказал — он произвел на меня не очень приятное впечатление. А вам вот рассказываю. Странно, да?

Странно было другое. Почему Леденев, который, насколько помнил Потоцкий, давно отошел от полевой археологии, занимался тем же поиском? И почему ничего не рассказал ему?

На экране появилось сообщение. Система нашла одну запись:

«K.U.T. — Katalog der verlorenen Töne. Projekt nicht realisiert. Siehe auch: Schatten. 1943.»

«Каталог утраченных звуков. Проект не реализован. См. также: Тень. 1943».

Потоцкий перечитал строку несколько раз. Утраченные звуки. Тень. Два названия, связанные одной архивной ссылкой. Что могло объединять каталог звуков и проект, обозначенный словом «Schatten»? Музыка, акустика, какие-то записи? Или за сухими названиями скрывалось нечто совсем иное?

Он открыл запись еще раз, проверил написание и дату. Других сведений не было. Проект не реализован. Ссылка на «Тень» за 1943 год.

Потоцкий посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Завтра самолет в Москву, а послезавтра — встреча в Эрмитаже с Марковым, хранителем трофейного фонда. Оставалось надеяться, что тот согласится говорить.

Алексей закрыл ноутбук и лег, не раздеваясь. Сон пришел не сразу. Перед глазами стоял заросший провал на западном склоне Митридата. За ним, согласно рассказу Фемистоклова, оставалась пустота, которую после войны никто не решился исследовать. Потоцкий представлял темный вход в штольню и коридор, начерченный на старом листке. Где-то там, под толщей

камня и земли, могли находиться ответы на вопросы, которые он пока даже не умел правильно сформулировать. Его личный Аид.

ГЛАВА 4. «ЭРМИТАЖ. ЗАКРЫТЫЙ КАТАЛОГ»

Поезд пришел в Петербург в восемь утра. Потоцкий не любил ночные переезды: сон урывками, затекшая спина, чужие разговоры в полумраке вагона. Но другого выхода не осталось. Самолет из Крыма опоздал, и он не успел на стыковку в Москву. Пришлось менять билеты и брать ночной поезд до Петербурга. Большую часть дороги Алексей не спал. Смотрел в окно на темные леса, изредка освещенные огнями станций, и перебирал в уме то, что ему удалось узнать.

Фемистоклов дал ему схему подземного хода на западном склоне Митридата. В немецком архиве обнаружилась запись о проекте «К.У.Т.», связанном с «Тенью». Sonderstab Antike — особая группа по античности, которой не было в официальных перечнях. Ящик № 7, прошедший через руки деда в марте 1946 года. И мраморная голова Ахилла, существование которой подтверждалось лишь несколькими разрозненными документами.

Все это напоминало раскоп: верхний слой уже снят, но до того, что скрывалось в глубине, было еще далеко.

Московский вокзал встретил его мокрым снегом и толпой. Потоцкий взял такси и назвал адрес на Дворцовой. Водитель, молодой парень в пуховике, всю дорогу слушал новости по радио: санкции, пандемия, послабления в ограничениях, очередной раунд переговоров. Алексей почти не вслушивался. Его занимало молчание Маркова. Старик получил письмо, но так и не ответил. Это могло означать что угодно: и нежелание встречаться, и осторожное согласие, и попытку выиграть время.

Снег перестал, но ветер с залива оставался сухим и колючим. Потоцкий смотрел на Дворцовую площадь. Александровская колонна темнела на фоне серого неба, по граниту скользили капли растаявшего снега. Туристов почти не было. В такую погоду площадь принадлежала ветру и воронам. Потоцкий любил Петербург таким — пустым, холодным, без привычной туристической мишуры.

Эрмитаж открывался в десять. До встречи оставалось полтора часа. Алексей зашел в кофейню напротив арки Главного штаба, взял американо и сел у окна. Через площадь виднелся Зимний дворец — бледно-зеленый, с потемневшими от влаги фасадами. У служебного входа уже собирались музейные работники: кто-то с пропуском на шнурке, кто-то с портфелем, кто-то с пакетом из «Пятерочки». Десять лет назад Потоцкий и сам мог стоять там, дожидаясь, пока охрана откроет дверь. Тогда он еще работал в музее. Десять лет — большой срок.

В пятнадцать минут одиннадцатого он пересек площадь и подошел к служебному входу. Молодой охранник с нашивкой ЧОПа проверил паспорт и велел подождать. Минут через двадцать из дверей вышла женщина в строгом костюме, представилась помощницей заведующего и провела его внутрь.

Они шли по служебным коридорам. Помощница не разговаривала, только цокала каблуками по паркету. Потоцкий смотрел по сторонам. Здесь, в глубине музейного здания, не было ни позолоты, ни малахита, ни парадных залов. Голые бетонные стены выкрашены бледно-зеленой краской, местами облупившейся и свисавшей клочьями. Под потолком тянулись кабели в пластиковых коробах. Где-то в глубине здания гудел лифт. Пахло мастикой для полов, старыми тряпками и чем-то химическим — возможно, растворителем для красок.

Потоцкий подумал, что если бы здесь, за множеством одинаковых дверей, действительно хранилась правда об операции «Тень», найти ее было бы непросто. Музей был огромен, и у каждого его помещения имелась собственная история, далеко не всегда отраженная в каталогах.

Они спустились на два этажа ниже уровня Дворцовой площади. Коридоры стали уже, потолки — ниже, свет от тусклых ламп дневного освещения ложился на стены неровными

полосами. На одной из дверей висела табличка: «Отдел учета перемещенных ценностей. Хранитель — Марков А.Б.».

— Дальше сами, — сказала помощница и ушла.

Потоцкий постучал. Из-за двери ответили не сразу.

— Войдите.

Кабинет был маленький, без окон. Стены почти целиком занимали стеллажи с папками. За старым столом, покрытым зеленым сукном, сидел Марков. Анатолий Борисович был худым, с длинным лицом и тяжелыми очками в роговой оправе. Несмотря на духоту, в кабинете работал обогреватель. Перед ним лежала раскрытая инвентарная книга, и Марков водил пальцем по строчкам, не поднимая глаз.

— Здравствуйте, Анатолий Борисович.

Марков поднял голову. Глаза у него были серые, выцветшие, но цепкие.

— Потоцкий. — Он произнес фамилию так, словно ставил диагноз. — Садитесь.

Алексей опустился на стул с продавленным сиденьем. Марков несколько секунд молча смотрел на него, затем закрыл инвентарную книгу и отодвинул в сторону.

— Ваше письмо я получил. Вы задаете вопросы, на которые у меня нет ответов.

— Или есть, но вы не хотите их давать.

Марков снял очки и закусил дужку. Эту привычку Потоцкий хорошо помнил. Без очков лицо старика казалось почти беззащитным: тонкая кожа, синеватые мешки под глазами.

— Вы знаете, почему я здесь сижу? — спросил Марков.

— Догадываюсь.

— Сомневаюсь. Я работаю в этом отделе с восемьдесят четвертого года. До меня его возглавлял Михаил Самойлович Гуревич, а до него — Георгий Павлович Зимницкий. Люди приходили и уходили. Я оставался.

— Почему?

Марков снова надел очки.

— Потому что умею молчать.

Потоцкий не стал отвечать.

— Я знал вашего деда, — продолжил Марков. — Павел Андреевич Потоцкий. Мы встречались дважды, в семьдесят первом и семьдесят третьем годах. Он приезжал сюда, в этот самый кабинет. Тогда он был еще не мой. Сидел на том же стуле, на котором сидите вы, и задавал вопросы.

Алексей почувствовал, как напряглись плечи.

— Какие вопросы?

— Примерно те же, что и вы. Он разыскивал один ящик. Из Керчи. Хотел узнать, что с ним стало.

— И что ему ответили?

— То же, что я могу ответить вам сейчас.

Марков взял со стола тонкую папку, раскрыл ее и вынул несколько листов.

— Ящик номер семь поступил на перевалочный пункт в Пиллау двенадцатого марта 1946 года. Принят майором Потоцким П.А., затем передан дальше по цепочке. В Эрмитаж не поступал. В Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина — тоже. В Киевский музей западного и восточного искусства не поступал. Местонахождение неизвестно.

— Но вы сказали, что он был передан дальше по цепочке. Кому?

Марков перевернул страницу.

— В сопроводительной ведомости, которую вы, полагаю, уже видели, графа «получатель» не заполнена. В учётной книге перевалочного пункта — то же самое. Но есть одна деталь.

Он подвинул папку к Потоцкому.

Алексей наклонился над документом. Это была ксерокопия страницы из учётной книги. Таблица с несколькими графами: номер ящика, содержимое, отправитель, получатель. Строка «7/Керчь» была заполнена, но графа «получатель» оставалась пустой. В графе «примечания» стояла короткая пометка: «S.A., 17.03.46».

— S.A., — прочитал Потоцкий. — Sonderstab Antike.

— Значит, вы уже встречали это название.

— Нашел в немецком архиве. Но что это за организация?

Марков сложил руки на столе.

— Особая группа по античности. В официальных документах она не значится. Ни в структуре Аненербе, ни в Оперативном штабе Розенберга, ни в списках трофейных команд СС. По крайней мере, я не нашел никаких подтверждений ее существования в этих структурах.

— Но вы считаете, что она существовала?

— Я считаю, что пометка в документах появилась не случайно.

Марков помолчал, словно решая, стоит ли продолжать.

— Есть основания полагать, что это была не обычная группа по изъятию произведений искусства. Некоторые предметы, проходившие через ее людей, не попадали в музейные каталоги и не значились в последующих описях. Они словно выпадали из учета.

— И что с ними происходило?

— Этого я не знаю. Часть документов уничтожили, часть вывезли. В некоторых случаях следы обрываются сразу после передачи. Но я не думаю, что все эти предметы просто исчезли.

— А что вы думаете?

Марков посмотрел на него поверх очков.

— Что их продолжали учитывать. Только не там, где мы привыкли искать.

Потоцкий откинулся на спинку стула.

— Вы говорите загадками, Анатолий Борисович.

— Я говорю то, что могу подтвердить. Остальное — предположения.

Он потер переносицу и на несколько секунд замолчал.

— Ваш дед, когда приезжал сюда, был уже немолод. Нервничал, торопился. Он говорил, что должен найти этот ящик, потому что дал обещание. Кому — не сказал. Но одну его фразу я запомнил.

— Какую?

— «Толя, есть правда, которая лежит в земле. И есть правда, которая висит на стене. И это не одно и то же».

Потоцкий опустил взгляд на папку. Фраза казалась знакомой, хотя раньше он ее не слышал. Возможно, дело было в самом противопоставлении: подземное хранилище, музейные залы, предметы, которые должны были находиться на виду, но исчезли из всех каталогов.

— Когда вы получили мое письмо, — продолжил Марков, — я сразу понял, что вы идете по следу деда. Долго думал, стоит ли с вами встречаться. Потом решил, что, возможно, кто-то должен довести это дело до конца.

— Вы дадите мне доступ к фондам?

Марков покачал головой.

— Нет. Фонды трофейного хранения закрыты для исследователей. И я не могу сделать исключение.

— Тогда зачем вы меня вызвали?

Старик открыл ящик стола, достал оттуда старый блокнот в кожаном переплете и положил перед собой.

— Потому что есть кое-что другое.

Он протянул блокнот Потоцкому.

— Рабочий журнал Михаила Самойловича Гуревича. Моего предшественника. Он вел его с сорок шестого по пятьдесят шестой год. Неофициальные записи, личные заметки, наблюдения. Не все из этого имеет отношение к делу, но кое-что вас заинтересует.

Потоцкий осторожно взял блокнот. Кожа на обложке потрескалась, углы стерлись, однако переплет еще держался.

— Почему вы отдаете его мне?

— Потому что сам уже слишком долго держу его у себя.

— Вы читали?

— Разумеется. И не один раз.

— Тогда вы знаете, что там написано.

— Знаю. Но это не значит, что понимаю все, о чем писал Гуревич.

Марков посмотрел на него внимательно.

— Только пообещайте, что вернете блокнот.

— Обещаю.

— И еще одно.

Старик чуть подался вперед.

— Если найдете то, что ищете, а такое может случиться, не торопитесь. Сначала подумайте, что собираетесь с этим делать. То, что спрятано, иногда лучше оставить спрятанным.

— Вы тоже так считаете?

Марков не ответил.

— Вы ведь сами оставили трофейные фонды закрытыми.

— Я не решаю, что должно быть открыто, а что нет.

— Но решаете, кому что рассказывать.

Старик снова посмотрел на него. Несколько секунд они молчали. Потом Марков открыл инвентарную книгу и склонился над страницами, давая понять, что разговор окончен.

Потоцкий вышел в коридор с блокнотом в руке. Обложка была потертая, кожа местами растрескалась, но страницы сохранились хорошо. Алексей не стал открывать его в музее. Он миновал охрану, вышел на Дворцовую площадь и направился в Александровский сад.

Снег перестал. Ветер с Невы гнал по площади сухую поземку. Потоцкий нашел скамейку, кое-как укрытую от ветра голыми кустами сирени, сел и открыл блокнот.

Почерк Гуревича оказался мелким, убористым, с заметным наклоном влево. Записи велись не всегда по датам: иногда между ними оставалось по нескольку пустых страниц, иногда заметки шли одна за другой. Потоцкий медленно перелистывал листы, выхватывая отдельные слова и фамилии: «Дрезден», «Керчь», «Мрамор», «Ахилл?», «S.A.».

На семьдесят четвертой странице он остановился.

«15 апреля 1947 г. Разговор с Потоцким П.А. Он нервничает. Говорит, что не может найти голову. Спрашивал про S.A. Я сказал, что не знаю. Это неправда. Я знаю, что S.A. — это не просто архив. Это сеть. Они называют себя "Хранителями". У них есть свои люди в Берлине, в Москве, в Риме. Они следят за перемещением предметов, изъятых по операции "Schatten". Потоцкий думает, что голова в Керчи. Я думаю, он прав».

Потоцкий перечитал запись. «Хранители». Люди в Берлине, Москве, Риме. Сеть, которая продолжала следить за перемещением предметов, изъятых во время войны. Если Гуревич не ошибался, Sonderstab Antike был не просто названием из старой ведомости. За ним стояла организация, о которой предпочитали не говорить.

Ниже, другим почерком, более размашистым, была сделана приписка:

«23 сентября 1956 г. Потоцкий П.А. приходил. Сказал, что больше не ищет. Сказал, что нашел. Но не скажет где».

Алексей перевернул страницу. Дальше шли только чистые листы.

Он закрыл блокнот и долго сидел, глядя на голые ветки сирени и серое петербургское небо.

Дед нашел.

Эта мысль не укладывалась в голове. Павел Андреевич не просто знал о существовании головы Ахилла, он, судя по записи Гуревича, нашел ее. И никому не сказал, где она находится. Даже спустя девять лет после первой встречи с архивистом.

Теперь Потоцкий начинал понимать, почему дед сохранил документы. Но чем больше появлялось ответов, тем больше возникало новых вопросов. Если дед действительно нашел голову, почему не вернул ее в музей? Почему продолжал хранить бумаги, связанные с ее исчезновением? И что заставило его в конце концов прекратить поиски?

Одних записей Гуревича было недостаточно. Нужны были документы, которые могли объяснить, что произошло с ящиком после Пиллау и кто такие «Хранители». Следующий шаг был очевиден: Берлин.

Потоцкий достал телефон и купил билет на завтрашний рейс. Его многолетняя виза позволяла ему без лишних формальностей отправиться в Германию. Затем он открыл переписку с Соней.

«Приеду послезавтра. Нужно будет помочь мне с немецкими архивами».

Ответ пришел через минуту. Большой палец вверх и короткий вопрос: «Ты в порядке?»

Он написал: «Да», — и убрал телефон в карман.

Из Александровского сада Потоцкий вышел на набережную. Ветер дул с Невы, ледяной и пронизывающий. Алексей поднял воротник и направился к метро, чувствуя в кармане тяжесть блокнота и еще одной вещи, которой пока не мог дать имя. Вещи, похожей на страх, но гораздо глубже.

ГЛАВА 5. «ТЕНЬ ВЕНЕРЫ»

Берлин встретил его дождем. Мелким, холодным, почти горизонтальным: такой пробирается под воротник и за шиворот, сколько ни укутывайся. Потоцкий вышел из аэропорта, вдохнул влажный воздух, пахнущий керосином и мокрым асфальтом, и сел в такси. Водитель включил счетчик и всю дорогу слушал турецкую радиостанцию с заунывными песнями и долгими скрипичными проигрышами. Алексей смотрел в окно. Берлин казался серым и плоским, вдоль железнодорожных путей тянулись стены, покрытые граффити. Он никогда особенно не любил этот город: слишком много бетона, слишком мало зелени, слишком много истории, которая не дает покоя. Остатки стены, руины кайзеровских церквей, памятники жертвам войны — память здесь была выставлена напоказ. Потоцкий подумал, что в Москве все устроено иначе: там прошлое чаще стараются не замечать.

Он снял номер в небольшом отеле на Фридрихштрассе. Три звезды, узкий холл, стойка администратора с табличкой «Bitte klingeln». В номере пахло лимонным моющим средством. Окно выходило во внутренний двор, где гудела вытяжка ресторанной кухни. Потоцкому было все равно. Он бросил рюкзак на кровать, достал ноутбук и сел к столу.

Первым делом проверил почту. Из Керченского музея по-прежнему не было ответа. Зато написал Марков: «Жду возврата блокнота. Не задерживайте». Потоцкий ответил: «Верну через неделю».

Затем открыл переписку с Соней. Дочь прислала список берлинских архивов, где можно было искать документы, связанные с Аненербе: Bundesarchiv в Лихтерфельде, архив Министерства иностранных дел, Государственная библиотека, исследовательский архив при Гумбольдтовском университете. В конце списка стояла приписка: «Bundesarchiv — лучший вариант. Там работает доктор Бергер, она специалист по истории защиты произведений искусства. Я договорилась о встрече на завтра. 10:00. Не опаздывай :)».

Потоцкий улыбнулся. Умение Сони договариваться о чем угодно и с кем угодно было одним из немногих качеств, которые она унаследовала не от него. Сам он так не умел.

«Спасибо. Не опоздаю».

До вечера оставалось несколько часов. Можно было сразу отправиться в Дрезден: Соня ждала его, дорога занимала около двух часов. Но сначала предстояло сделать еще одно дело. Ради него Потоцкий и прилетел в Германию на день раньше.

Он должен был встретиться с Гердой Крюгер.

Герда была его единственным надёжным союзником в Дрезденской галерее. Маленькая, сухощавая, с короткой стрижкой и привычкой говорить о живописи так, будто речь шла не об искусстве, а о судебно-медицинской экспертизе. Они познакомились много лет назад на конференции по технологиям реставрации. Потоцкий тогда выступал с докладом о химическом анализе пигментов на боспорских терракотовых статуэтках. Герда подошла к нему после выступления и без всяких предисловий сказала: «Ваша спектрограмма врёт». Он спросил почему. Она объяснила — подробно, обстоятельно и так убедительно, что спорить оказалось бессмысленно.

В Герде была редкая прямота. Она не умела обходить острые углы, не старалась понравиться собеседнику и никогда не отступала только потому, что её мнение кому-то казалось неудобным. Эта черта почему-то напомнила Потоцкому одну давнюю историю. Тамань. Почти четверть века назад. Вечер у костра, спор о скифской торевтике, женский голос, горячо доказывавший, что он ошибается в датировке. Он тогда уступил — не потому, что был не прав, а потому, что ему нравилось смотреть, как она щурится, когда сердится. «Я не умею лгать», — сказала она однажды. А он подумал, что сам, пожалуй, умеет. И не позвонил.

Воспоминание длилось всего несколько секунд. Потоцкий вернулся к разговору с Гердой. Вскоре после их знакомства он узнал, что она химик по первому образованию, защитила

диссертацию по спектральному анализу старых лаков и терпеть не может музейных политиков, потому что, по её словам, «они врут даже тогда, когда им это невыгодно»..

Накануне Потоцкий позвонил ей и попросил взять образцы с кракелюра «Спящей Венеры». Герда долго молчала, потом ответила, что это невозможно: в галерее ввели новый протокол. Он сказал, что дело важное и объяснить все сможет позже. Она снова помолчала и наконец согласилась встретиться. Не в галерее, а в Берлине.

В кафе Герда пришла точно к назначенному времени. Вечер был холодный, терраса почти пустовала. Она не стала заказывать кофе, сразу положила на стол бумажный конверт.

— Здесь два микроскола. Верхний слой — лак и кракелюр, нижний — грунт. Еще я взяла древесный образец с обратной стороны подрамника. Только не спрашивай, как.

— Не спрашиваю.

— И контрольный образец. Фрагмент рамы конца XVI века из запасников. Она точно относится к тому же времени.

— Спасибо.

— Не благодари. — Герда посмотрела на него поверх очков. — Лучше скажи, что ты ищешь. И почему именно «Венера»?

— Пока не уверен. Эта картина, как и многие другие произведения из Дрезденской галереи, после войны долгое время находилась в СССР. Ты это прекрасно знаешь. Меня интересуют технологии, которые могли применяться при ее реставрации.

— Ну хорошо. Тогда расскажу то, что тебя удивит. Как удивило меня. Я сделала предварительный анализ еще до твоего приезда. Извини, не удержалась.

— И что ты обнаружила?

— В красочном слое присутствует стабилизирующая добавка на основе диоксида кремния.

— Объясни.

— SiO_2, модифицированный полимерной матрицей. Похожие составы разрабатывались в лабораториях IG Farben в начале сороковых годов. В реставрационную практику такие материалы вошли значительно позже, уже в конце XX — начале XXI века.

Потоцкий почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Он давно ждал подтверждения, но не был уверен, что готов его получить.

— Это еще не все, — продолжила Герда. — Частицы находятся не на поверхности, а внутри красочного слоя. Они проникли в структуру пигмента. Если анализ верен, добавку вводили одновременно с краской, а не наносили позднее при реставрации.

— То есть в момент создания картины?

— Именно. Но пока это предварительный вывод. Нужны независимые исследования.

Потоцкий посмотрел на конверт.

— Ты хочешь сказать, что «Спящая Венера» Джорджоне могла быть написана в сорок втором году?

— Я хочу сказать, что картина, которая сейчас висит в Дрезденской галерее под этим названием, содержит материал, появившийся не раньше сороковых годов XX века. При этом сам холст, грунт и часть пигментов могут быть значительно старше. В этом и заключается самое странное.

— Получается, старые материалы использовали для создания новой картины?

— Или для глубокой переделки существующей. Пока я не могу сказать точнее. Но это не похоже на обычную реставрацию.

Потоцкий откинулся на спинку стула.

— Мне нужен независимый анализ.

— Естественно. — Герда положила перед ним еще один конверт. — Здесь адрес частной лаборатории в Берлине. Дорого, быстро, без лишних вопросов. Скажешь, что от меня.

Он убрал конверты в карман.

— Но я не понимаю, что происходит, — сказала Герда. — Картину подменили в Советском Союзе?

— Что-то подсказывает мне, что дело гораздо сложнее. Но пока лучше об этом не распространяться.

Она кивнула, хотя уверенности в ее лице не прибавилось.

Позже, вернувшись в гостиницу, Потоцкий переписал адрес лаборатории в навигатор. Она находилась в Шарлоттенбурге, примерно в двадцати минутах езды на метро. На следующий день он собирался туда с самого утра, а потом — в архив, на встречу с доктором Бергер.

Лаборатория занимала третий этаж бывшего фабричного здания: кирпичные стены, большие окна, промышленный лифт. На двери висела скромная табличка «Analytische Dienstleistungen Dr. Meier». Внутри работал кондиционер. Потоцкого встретил мужчина лет сорока, высокий, с залысинами, в белом халате поверх футболки с логотипом рок-группы. Доктор Майер, владелец лаборатории, говорил по-английски с сильным немецким акцентом, но техническую терминологию знал безупречно.

— Фрау Крюгер предупредила. Материалы у вас с собой?

Потоцкий передал ему контейнер. Майер открыл его, осмотрел образцы и кивнул.

— Что именно нужно?

— Спектральный анализ пигментов, газовая хроматография связующего и радиоуглеродный анализ органических включений в грунте.

— Полный пакет. Это будет стоить...

— Я знаю.

Майер записал данные, выдал квитанцию и сообщил, что результаты будут готовы через два дня. Потоцкий хотел возразить, что ждать слишком долго, но промолчал. У него были и другие дела.

Из лаборатории он отправился на вокзал и сел на поезд до Дрездена. Два часа пути давали возможность обдумать разговор с Гердой. Она сказала ему на прощание: если «Венера» действительно оказалась подделкой, кто-то имел доступ к оригинальным материалам XVI века. Такое могло произойти только там, где хранились сами произведения, или в лаборатории, работавшей с музейными запасниками.

Потоцкий понимал, к чему она клонила. Но пока не хотел делать выводов.

В Дрездене он вышел на Хауптбанхофе. Соня ждала у выхода с платформы. Он заметил ее издалека — высокая, в ярко-желтом пальто, с рюкзаком на одном плече. Она помахала рукой и пошла навстречу.

— Привет, пап.

— Привет.

Они обнялись коротко, но крепко. Соня отстранилась и оглядела его с ног до головы.

— Ты похудел.

— Много работы. А ты еще выросла.

— И не спишь, похоже. Глаза красные.

— Спасибо за наблюдение.

Они вышли с вокзала и пошли в сторону Альтштадта. Дрезден был непохож на Берлин. Отстроенный после войны, с восстановленными фасадами Цвингера и оперного театра, он казался декорацией, в которую вернули живых людей. Соня рассказывала о школе, экзаменах, новой подруге из Польши, которая учила ее польскому мату. Потоцкий слушал, кивал, задавал вопросы и чувствовал, как напряжение последних дней понемногу отпускает.

— Ты голодный? — спросила Соня.

— Немного.

— Тогда пошли в «Кафе Европа». Там нормально кормят.

В кафе они сели у окна. Соня заказала пасту, Потоцкий — кофе. Она посмотрела на него внимательно.

— Ты же не просто так приехал.

— Не просто так.

— Расскажешь?

— Расскажу. Но не все.

— Я так и думала.

Она отломила кусочек штруделя, но есть не стала. Потоцкий заметил, что на салфетке она рисует какой-то сложный график.

— Что это?

— Расписание моих экзаменов. И твоих самолетов. Я наложила их друг на друга. Угадай, сколько раз они совпали за последнее время?

Потоцкий почувствовал укол, но не сразу понял, откуда он взялся. Он слишком привык считать Соню своим союзником, почти взрослым партнером по расследованию. И, кажется, забыл, что ей всего девятнадцать.

— Сонь...

— Ничего. — Она быстро скомкала салфетку. — Я просто хочу, чтобы, когда ты найдешь то, что ищешь, ты не потерял что-нибудь еще. Например, мой выпускной. Ладно, давай по делу. Я нашла кое-что интересное.

Она достала планшет и открыла папку с отсканированными документами. На экране появился длинный список в три колонки: номер, название, примечания.

— Это электронный каталог документов Аненербе. Часть материалов оцифрована и доступна для поиска, хотя большая часть фонда по-прежнему закрыта. Я проверила несколько ключевых слов.

— И?

— «Sonderaktion P» — ничего. «Sonderstab Antike» — тоже. «K.U.T.» — ни одного совпадения. А вот по слову «Schatten» нашлось пять документов.

Она открыла первый. Меморандум был датирован 15 марта 1943 года. Соня прокрутила страницу к отметкам о предыдущих обращениях.

— Смотри. Этот файл запрашивали в читальном зале всего трижды. Два раза немецкие исследователи, один раз — русский. Дмитрий Сергеевич Леденев. Запрос от 2015 года.

Потоцкий почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Леденев и здесь успел побывать. Запрашивал тот же меморандум за много лет до него. И снова ничего не сказал. Ни слова.

— Документ адресован штандартенфюреру Вольфраму Зиверсу, — продолжила Соня. — Подпись — доктор Бруно Гилле.

— Гилле? Искусствовед, специалист по античной скульптуре. Я читал его довоенные статьи. Очень хороший ученый.

— Ты о нем слышал?

— Да. Давай посмотрим, что он писал.

Потоцкий взял планшет. Меморандум занимал четыре страницы. Язык был сухим, бюрократическим, но содержание не оставляло сомнений в том, что речь шла о чем-то гораздо более серьезном, чем обычная музейная операция.

Гилле сообщал:

«Операция "Schatten" вступает в завершающую фазу. Лаборатория дала удовлетворительные результаты по искусственному старению мрамора. Технология внедрения матрицы в структуру пигмента опробована на образцах и готова к применению. Считаю возможным продолжить операцию в музейных экспозициях Рейха с ноября 1943 года.

Сакральное значение Крыма подтверждено результатами раскопок. Объект, именуемый в документации "Ахилл", представляет особую важность. Рекомендую его перемещение в глав-

ное хранилище. Оригиналы, ослабленные средиземноморским духом, должны быть изъяты из культурного оборота. Их место займут экспонаты, эстетически и расологически исправленные. Это обеспечит правильное формирование архетипа грядущих поколений».

Потоцкий перечитал последнюю фразу и отложил планшет.

— «Эстетически и расологически исправленные», — произнес он.

— Они хотели переписать историю европейского искусства? — спросила Соня. — В буквальном смысле?

— Не совсем. Судя по всему, они хотели не уничтожить оригиналы и не просто заменить их копиями. Они собирались сохранить узнаваемую форму, но изменить ее содержание. Незаметно, на уровне отдельных черт. Так, чтобы человек смотрел на Венеру и видел уже не ту богиню, которую создали художники Возрождения, а образ, соответствующий их представлениям об идеале.

Соня отодвинула тарелку. Есть ей расхотелось.

— Пап, но ведь они не успели? И вообще, как за столько лет никто ничего не заметил?

Потоцкий не ответил сразу. Он думал о «Спящей Венере», которая висела в Дрезденской галерее. О частицах диоксида кремния в красочном слое. О том, что знал его дед и что могло скрываться за пометкой Sonderstab Antike.

Он пока не мог утверждать, что кто-то сознательно скрывал правду. Но если технология действительно применялась, следы ее использования могли сохраняться в других произведениях. И, возможно, не все они были обнаружены.

— Пап?

— Я пока не знаю. Завтра попробуем разобраться в архиве. Там могут быть другие документы.

Вечером они вернулись в квартиру Марины. Бывшая жена Потоцкого уехала в командировку, и Соня осталась одна. Квартира была светлой, с высокими потолками и старой лепниной. В гостиной стояло пианино, на котором никто не играл. На стенах висели афиши дрезденской оперы, на книжных полках теснились тома на немецком, английском и русском языках. Сонина комната была завалена распечатками, эскизами и комиксами.

На стене Потоцкий заметил ее собственный рисунок. Кажется, это был Ахилл в современной одежде. Лицо напоминало то, которое он видел на дедовской фотографии.

— Надо же, ты помнишь его? — усмехнулся он.

— Не знаю. Приснился однажды.

Потоцкий ничего не ответил.

Уже ночью, лежа на диване в гостиной, он смотрел в потолок и слушал, как за окном шуршат шины по мокрому асфальту. Думал о Гилле, о меморандуме, о слове «замещение». Завтра предстояла встреча в архиве, где он, возможно, найдет ответы. Или, как уже не раз случалось, получит новые вопросы.

Телефон коротко звякнул. Пришло письмо от доктора Майера.

Потоцкий открыл его.

«Herr Potocki. Ich habe eine vorläufige Analyse gemacht. Das Ergebnis ist... ungewöhnlich. Bitte kommen Sie morgen früh. Persönlich».

«Господин Потоцкий. Я провел предварительный анализ. Результат... необычный. Прошу вас прийти завтра утром. Лично».

Он перечитал письмо. Майер не написал «положительный» или «отрицательный». Он написал «необычный». Для человека, привыкшего иметь дело с лабораторными результатами, это слово могло означать многое. Но в данном случае Потоцкий почувствовал: речь шла о чем-то, чего он пока не мог представить.

Он сел на диване и еще раз посмотрел на экран. Сердце билось ровно, но внутри нарастало напряжение.

Потоцкий встал и подошел к окну. Дрезден спал. Фрауэнкирхе была подсвечена прожекторами. Чистый, красивый, отстроенный город, переживший страшную войну. И где-то там, в Галерее старых мастеров, в зале с климат-контролем, висела «Спящая Венера». Картина, которую он знал с детства и которая теперь могла оказаться совсем не тем, чем казалась.

ГЛАВА 6. «ДОЧЬ»

Утром Потоцкий проснулся в половине седьмого от звука посуды на кухне. Несколько секунд он лежал, пытаясь сообразить, где находится. Потолок был незнакомый — высокий, с лепной розеткой под люстру. За неплотно задернутыми шторами уже пробивалось солнце. Из кухни доносилось шипение масла, звякала сковородка, пахло кофе и блинами. Соня жарила блины. Потоцкий улыбнулся: она всегда принималась за них, когда хотела сделать ему приятное. В детстве, когда Соня жила с ним в Москве, воскресные утра часто начинались именно так. Потом Марина увезла дочь в Дрезден, и воскресные блины остались в прошлом. По крайней мере, ему так казалось.

Он натянул джинсы и футболку и вышел на кухню. Соня стояла у плиты в пижаме с покемонами и ловко переворачивала блин. На столе уже дымились две чашки, рядом стояли кофейник, тарелка с нарезанным яблоком, открытая банка нутеллы и вареные яйца.

— Ты готовишь, — сказал Потоцкий.

— Я всегда готовлю. Мама не умеет.

— Да уж, — улыбнулся он.

Он сел за стол и налил себе кофе. Тот был хорошим, сваренным в турке, не растворимым. Соня помнила его привычки. Она положила перед ним блин — неровный, с подпалинами, но аппетитный на вид.

— Ты спал всего четыре часа, — заметила она, садясь напротив. — Я слышала, как ты ходил.

— Не спалось.

— Из-за какого-то письма?

— Все-то ты замечаешь.

— У тебя телефон запиликал ночью. Потом ты еще долго не ложился. В отличие от Шерлока Холмса, у меня элементарная индукция.

Она намазала блин нутеллой и принялась за завтрак. Потоцкий смотрел на дочь. Ей было девятнадцать — тот возраст, когда человек уже перестает быть ребенком, но еще не всегда понимает, насколько взрослым его считают окружающие. Внешне Соня пошла в мать: темные волосы, привычка хмурить брови, когда она сосредоточена. Но глаза были его — серые, с легкой зеленцой, и взгляд прямой, внимательный.

— Что тебе написали? — спросила она.

— Доктор Майер. Просит приехать лично. Один из результатов оказался неожиданным. Он не хочет обсуждать это по электронной почте.

— Это плохо?

— Пока не знаю. Это значит только, что результат требует объяснений.

— Поедешь утром?

— Да. После завтрака.

Соня кивнула, допила кофе и на мгновение задумалась.

— Я вчера тоже кое-что нашла. Уже после того, как ты лег.

Она принесла из комнаты планшет, открыла несколько файлов и повернула экран к отцу.

— Я воспользовалась университетским доступом к разделу Bundesarchiv. Не все документы доступны, но по имени Гилле кое-что нашлось. Вот его личное дело. Неполное, сканы плохие, но основные сведения читаются.

На экране появилась анкета — стандартный формуляр СС, заполненный от руки. На фотографии был мужчина лет сорока пяти с тонкими чертами лица, высоким лбом и острым подбородком. Аккуратная стрижка, очки в тонкой оправе. Скорее университетский профессор, чем офицер.

— Бруно Гилле, — прочитала Соня. — Родился в 1898 году в Тюбингене. Изучал классическую филологию и археологию в Гейдельберге и Берлине. Докторская диссертация называется «Эллинистический портрет и проблема идеального образа». В 1937 году вступил в НСДАП, в 1940-м — в СС. С 1942 года руководил проектами в структуре Аненербе.

— Что еще?

— В 1943 году опубликовал статью «Die Entgiftung der Antike». Я перевела название как «Обезвреживание античности». Там он разбирает книгу «Kunst und Rasse» и пишет, что эллинистическое искусство, в отличие от классического, стало чем-то вроде культурного вируса, заразившего европейскую цивилизацию. По его мнению, греческая скульптура навязала Европе ложный идеал красоты — средиземноморский, женственный, декадентский. А задача нордической расы — исправить это.

Потоцкий некоторое время молчал, разглядывая фотографию.

— Значит, он не просто хотел создавать копии, — произнес он наконец. — Он собирался менять сами произведения. Сохранять их узнаваемость, но незаметно подменять содержание.

— Практически неотличимые от оригинала копии с небольшими изменениями?

— Именно. Если верить его запискам, речь шла не о краже произведений искусства и даже не о подделках в обычном смысле. Он хотел вмешаться в историю. Изменить то, что люди будут считать прекрасным и правильным, а через это — повлиять на их представление о прошлом.

Соня закрыла файл и отложила планшет.

— Пап, ты думаешь, они успели? Если такие копии существуют, они уже могут находиться в музеях?

— Не знаю. Пока у нас есть одна картина, результаты анализа которой вызывают серьезные вопросы. Но даже это еще не доказывает, что существовала целая программа подмены произведений.

— А если докажет?

Потоцкий посмотрел на дочь. Он и сам не мог ответить на этот вопрос. «Спящая Венера» могла оказаться частью большого проекта, а могла быть единичным экспериментом, который так и не получил продолжения. Но даже в последнем случае оставалось непонятным, кто и зачем сохранил его следы.

— Сначала нужно разобраться с тем, что у нас есть, — сказал он. — И не делать выводов раньше времени.

Он поднялся из-за стола и пошел одеваться. Соня осталась на кухне, но он чувствовал ее взгляд. Ей хотелось задать еще несколько вопросов. Ему — не отвечать на них.

Поезд в Берлин отправлялся через час. Соня поехала с отцом: в тот день она собиралась поработать в архиве и уже договорилась о доступе к материалам. За окном вагона постепенно исчезали пригороды Дрездена, сменяясь полями и небольшими городками. Потоцкий почти не разговаривал. Он снова и снова возвращался мыслями к ночному сообщению Майера. Вчера тот обещал, что полный пакет результатов будет готов через два дня, но ночью прислал короткое письмо: один из анализов дал настолько необычный результат, что он счел необходимым обсудить его лично. Остальные исследования еще предстояло проверить.

Спустя несколько часов Потоцкий вошел в лабораторию доктора Майера. Тот встретил его в белом халате поверх футболки с логотипом рок-группы, однако вчерашней расслабленности в его манере уже не было. Он выглядел уставшим и озабоченным, сразу провел гостя в кабинет и плотно закрыл дверь.

— Я почти всю ночь просидел над результатами, — сказал Майер. — И пока не могу дать вам окончательного заключения. Но то, что мы обнаружили, заслуживает внимания.

Он развернул монитор. На экране были спектрограммы, графики и таблицы.

— Начнем с пигментов. Их состав соответствует материалам, которые использовались в венецианской живописи начала шестнадцатого века. Ультрамарин, свинцовые белила, свинцово-оловянный желтый — ничего, что само по себе вызывало бы подозрения. Радиоуглеродный анализ органических включений в грунте тоже дает предварительный диапазон, соответствующий первой трети шестнадцатого века. Пока это не противоречит заявленной датировке.

— А то, что вас насторожило?

Майер переключил изображение.

— Газовая хроматография связующего. В красочном слое обнаружены следы синтетического связующего на основе полиэфирной смолы и алкидного компонента. По составу она близка к соединениям, которые исследовали в лабораториях IG Farben в начале сороковых годов. Насколько мне удалось установить, опытная партия подобного вещества была получена в Людвигсхафене в 1942 году.

— Значит, оно не могло попасть туда раньше?

— Именно. Но я бы пока не стал делать окончательных выводов о времени создания картины. Нам нужно изучить распределение вещества в поперечном срезе, проверить результаты и исключить позднее вмешательство. Предварительная картина, однако, любопытная. Смола обнаруживается не только в поверхностных трещинах. Она присутствует внутри красочного слоя. Это может свидетельствовать о том, что состав вводили на этапе работы с краской, а не наносили позднее как обычный реставрационный материал.

Потоцкий приблизился к экрану.

— То есть речь может идти о вмешательстве в саму живопись?

— Да. Но пока именно о возможности. Я не хочу, чтобы вы унесли отсюда категоричный вывод, который мы еще не можем подтвердить.

— А древесина?

— Это отдельная история. Я исследовал скол с подрамника, который вы передали. Судя по предварительным данным, это дуб, спиленный в Карпатском регионе между 1938 и 1940 годами. В документации галереи подрамник описан как изготовленный из итальянского тополя и относящийся к XVI веку. Если сведения верны, нынешний подрамник заменяли. Но дендрохронология датирует древесину, а не картину. Само по себе это не доказывает, когда и кем была выполнена замена.

Потоцкий откинулся на спинку стула. Два независимых признака указывали на вмешательство, но ни один пока не давал ответа на главный вопрос: что именно произошло со «Спящей Венерой» и когда?

— Кто мог это сделать?

— Технически? Человек с очень хорошей подготовкой в области живописи и реставрации. Но если ваши предположения о составе смолы подтвердятся, в работе могли участвовать специалисты из разных областей. Химик, реставратор, художник. Возможно, искусствовед, который контролировал результат.

— Искусствовед по имени Гилле?

— Не знаю, кто такой Гилле. Но человек, который работал над этим полотном, хорошо понимал, что делает.

Майер закрыл графики и достал из папки несколько распечаток.

— Я подготовлю письменное предварительное заключение. Но мне нужно время на дополнительные исследования. Хочу проверить образцы с помощью электронной микроскопии и рентгеноструктурного анализа. Только после этого можно будет говорить о более уверенных выводах.

— Сколько времени?

— Несколько дней. Может быть, неделя.

Потоцкий взял распечатки.

— Хорошо. И еще одна просьба, доктор. Пока не обсуждайте эти результаты ни с кем, кроме тех, кто непосредственно участвует в исследовании.

Майер внимательно посмотрел на него.

— Вы полагаете, что это может быть опасно?

— Я пока ничего не полагаю. Просто не хочу, чтобы информация разошлась раньше, чем мы поймем, что именно нашли.

После обеда Потоцкий встретился с Соней у входа в Bundesarchiv. Архив находился в Лихтерфельде, на юго-западе Берлина, в бывших казармах, перестроенных под хранилище документов. Длинные коридоры, лампы дневного света, запах старой бумаги и кондиционированного воздуха. На проходной у Потоцкого проверили паспорт, выдали гостевой пропуск и попросили оставить рюкзак в камере хранения.

Фрау доктор Бергер ждала их в читальном зале на втором этаже. Это была женщина лет шестидесяти с короткой стрижкой, в строгом сером костюме и без украшений. Она говорила по-английски медленно и четко, словно диктовала.

— Герр Потоцкий. Ваша дочь написала мне очень любопытное письмо. Она упомянула, что вы исследуете историю перемещения культурных ценностей из Крыма.

— Совершенно верно.

— Это сложная тема. Большая часть документов была уничтожена при отступлении, а сохранившиеся материалы разрознены. Но я подготовила несколько папок, которые могут вас заинтересовать.

Она провела их в отдельный кабинет. На столе лежали четыре архивные папки. Потоцкий сел, надел перчатки и открыл первую.

Это были отчеты Sonderkommando Krim — специальной команды, работавшей в Керчи в 1942 году. Списки изъятых предметов, фотографии, планы раскопок. Потоцкий листал страницы, задерживаясь на датах и пометках. В декабрьском отчете он наконец нашел нужную запись:

«16.12.1942. Из фондов Керченского музея изъят мраморный фрагмент (голова мужская). Предположительно эллинистический оригинал. Передан в лабораторию Sonderstab Antike. Оригинал подлежит перемещению в Hauptdepot».

— Что такое Hauptdepot? — спросил он.

Фрау Бергер заглянула в документ.

— Главное хранилище. В подобных материалах так могли обозначать секретные места хранения на территории Рейха или оккупированных территорий.

— Известно, где оно находилось?

— Мне такие сведения не встречались. В документах термин есть, но координат или точного адреса я не видела.

Потоцкий открыл вторую папку. В ней хранились личные записи офицеров Аненербе — не официальные отчеты, а дневники и рабочие заметки. Среди них он обнаружил записи оберштурмфюрера Келлера, датированные январем 1943 года.

«12.01.1943. Посетил лабораторию в Керчи. Доктор Гилле показывал процесс. Технология поражает: они используют подлинные пигменты XVI века, снятые с фрагментов разрушенных алтарей, и наносят их на старый холст. Результат неотличим от оригинала. Сам Гилле говорит, что это не подделка, а "замещение". Интересная мысль».

Следующая запись была сделана через три дня.

«15.01.1943. Присутствовал при работе над мраморной головой. Используют какой-то состав для изменения поверхности. Гилле говорит, что формулу разработал химик из IG Farben. Голова изображает молодого мужчину, вероятно, грека. Гилле называет его "Ахилл". Он считает объект ключевым и намерен изменить форму подбородка, сделать его более воле-

вым, а линию губ — убрать эту скорбную складку. Говорит: "Скорбь — это семитское изобретение. Античный герой не скорбит. Он сражается"».

Потоцкий перечитал последние строки. В памяти возникла фотография из дедовой папки: небольшая мраморная голова, выступающая нижняя губа, выражение, которое он сразу назвал скорбным. Теперь эта деталь обретала иной смысл.

— Они хотели переделать Ахилла? — тихо спросила Соня.

— Не просто переделать. Изменить то, что он выражает. Для Гилле скорбь была недостатком, который следовало исправить.

Соня посмотрела на фотографию в документе, затем на отца. Она, кажется, впервые до конца поняла, что речь идет не только о подделках и похищенных ценностях. Кто-то пытался изменить сами произведения, заставить их говорить то, чего никогда не говорил автор.

Потоцкий открыл третью папку. Здесь были послевоенные документы — протоколы допросов и показания свидетелей. Один из них привлек его внимание. Это был протокол допроса Карла Хёнига, бывшего лаборанта керченской лаборатории, проведенного американской комиссией в 1947 году.

«Вопрос: Где находилось Hauptdepot?

Ответ: Я не знаю точно. Нам не говорили. Но я слышал, как доктор Гилле упоминал "Колыбель". Он говорил: "То, что не должно вернуться, отправится в Колыбель".

Вопрос: Что такое "Колыбель"?

Ответ: Я не знаю. Думаю, какое-то место на территории СССР. Они говорили, что это символично — вернуть подлинники туда, откуда, как считалось, пришла высшая раса. Гилле полагал, что германизированная, то есть "улучшенная", версия античной культуры пришла в Европу из Северного Причерноморья, через греческие колонии. Он считал Крым одним из истоков этой культуры и хотел вернуть ее туда. Воссоздать там, где она, по его мнению, родилась».

Потоцкий медленно закрыл папку. В его голове складывались отдельные фрагменты: Керчь, лаборатория, мраморная голова, главное хранилище и странная «Колыбель». Но пока между ними оставалось слишком много пробелов.

— Значит, они могли отправить оригиналы обратно в Крым? — спросила Соня.

— Могли. Но мы не знаем, что именно Хёниг называл «Колыбелью» и имел ли он в виду то же самое, что Гилле. Не исключено, что это было условное название. Или вообще образное выражение.

Фрау Бергер, до этого молча делавшая пометки в блокноте, подняла голову.

— Если ваши предположения подтвердятся, это будет открытие мирового масштаба. Но я должна предупредить: вы не первый, кто интересуется этими материалами.

— Что вы имеете в виду?

— Год назад к нам приезжал человек из России. Представился исследователем, запрашивал те же папки, которые вы сейчас изучаете. Я запомнила его, потому что он был очень настойчив.

— Как его звали?

— Он не представился. Но у него был доступ к закрытым фондам, а такие разрешения выдаются далеко не каждому.

Потоцкий переглянулся с Соней.

— Вы можете описать его?

— Высокий, лет сорока пяти. Хорошо одет. Говорил по-немецки с акцентом, но я не смогла определить, с каким именно. — Бергер на мгновение задумалась. — И еще одна деталь. Когда он уходил, то произнес странную фразу: «Тени должны оставаться тенями».

Потоцкий почувствовал, как внутри все похолодело. Он уже слышал похожие слова. И знал, что случайным совпадением это, скорее всего, не было.

— Спасибо, фрау Бергер. Вы нам очень помогли.

Из архива они вышли около четырех. Дождь уже закончился, но небо оставалось низким и серым. На крыльце ветер трепал Сонины волосы. Она некоторое время молчала, потом повторила:

— «Тени должны оставаться тенями». Это они. Те, кто хранит тайну.

— Возможно.

— И они знают, что ты ищешь.

— Теперь у нас есть основания так думать.

Соня взяла отца под руку.

— Пап, может, остановимся? Хотя бы на время. Пока не поздно.

Он посмотрел на нее. Впервые за последние дни она не пыталась шутить или изображать, что воспринимает происходящее как очередную интеллектуальную загадку. Она действительно боялась.

— Тебе не нужно во всем этом участвовать, Соня. Ты можешь вернуться к своим делам, к экзаменам. Я сам разберусь.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

— Нет, пап. Потому что тебе так удобнее.

Он не нашелся с ответом. Соня отпустила его руку и пошла к остановке. Потоцкий последовал за ней.

Вечером они сидели в гостиной Марининой квартиры. На окнах висел легкий тюль, на полу лежал старый паркет, который Марина регулярно натирала мастикой. На стенах были развешаны ее акварели: дрезденские улочки, Фрауэнкирхе, Эльба. Рисовала она непрофессионально, но с душой. Потоцкий смотрел на эти работы и думал, что Марина, кажется, нашла здесь себя. После развода она уехала в Дрезден не столько от него, сколько к собственной жизни: нашла работу, друзей, увлечения. А он остался в Москве и долго не мог привыкнуть к тому, что их прежняя семья существует теперь только в воспоминаниях.

Соня сидела с планшетом, Потоцкий просматривал фотографии документов, сделанные в архиве. На кофейном столике лежала распечатка протокола допроса Хёнига.

— Знаешь, что странно? — сказала Соня, не отрываясь от экрана. — Гилле ведь был умным человеком. Профессор, ученый. Как он мог всерьез верить во всю эту чушь — про расовый идеал, нордическую расу, скорбь как семитское изобретение?

— Ум и безумие не исключают друг друга.

— Но он же должен был понимать, что это бред.

— Возможно, понимал. А возможно, не хотел понимать. Когда человек годами подгоняет факты под собственную теорию, однажды он перестает замечать разницу между доказательством и желанием. И тогда теория становится для него важнее действительности.

Потоцкий отложил бумаги и посмотрел на дочь.

— Вспомни Ломброзо. Он был известным врачом, изучал преступность, пытался объяснить ее физиологическими особенностями человека. Его теория прирожденного преступника сегодня выглядит несостоятельной, но в свое время на нее ссылались, ею пытались обосновывать решения и оценки людей. Представь, что происходит, когда подобные идеи соединяются с государственной властью и превращаются в официальную доктрину.

— То есть подделка, в которую начинают верить, становится подлинником?

— В глазах тех, кто не знает правды, — возможно.

Соня отложила планшет и повернулась к нему.

— А что, если мы уже опоздали? Копии могут висеть в музеях столько лет, что все привыкли считать их оригиналами. Что, если никто уже не помнит настоящих произведений — и никто не хочет их искать?

Потоцкий передвинул листки на столе, выравнивая их по краю. Он не хотел говорить дочери, что сам думал о том же. Если программа Гилле действительно существовала, ее последствия могли оказаться гораздо шире, чем судьба одной мраморной головы или одной картины.

— Тогда наша задача — разобраться, что произошло на самом деле. Но ты должна заниматься своей жизнью. Экзамены, выпускной, планы. Не нужно превращать мое расследование в свое.

— А ты сам можешь не превращать его в единственное, что у тебя осталось?

Он поднял глаза. Вопрос прозвучал негромко, без упрека, но от этого оказался еще болезненнее. Потоцкий хотел что-то ответить, однако так и не нашел подходящих слов. Соня снова взяла планшет, давая понять, что разговор окончен.

Ночью он долго не мог уснуть. В голове крутилась фраза из дневника Келлера: «Гилле называет его Ахилл». Вспоминалась и запись Хёнига о том, что подлинники должны вернуться туда, откуда, по мнению Гилле, пришла высшая раса. Он пытался соединить эти сведения с тем, что видел в Керчи, но каждый раз упирался в неизвестность.

Перед глазами возник заросший провал на западном склоне Митридата. Бетонный край, выступающий из земли, темный вход, за которым начиналась штольня. Где-то там могли находиться ответы — или очередная ложная подсказка. Он вспомнил слова Фемистоклова, схему, оставленную старым археологом, и дедовы записи. Слишком многое вело обратно в Керчь.

Потоцкий повернулся на бок. Он не считал себя человеком, способным на подвиги. Всю жизнь предпочитал разбираться с вещами, которые можно было изучить, описать и проверить. Но теперь ему предстояло столкнуться с теми, кто, возможно, десятилетиями охранял тайну и не собирался отдавать ее добровольно. Он не знал, на что они способны и насколько далеко готовы зайти.

Завтра самолет в Москву. А потом нужно будет возвращаться в Керчь.

ГЛАВА 7. «ПРОВЕНАНС ЛЖИ»

На следующее утро Потоцкий вернулся в Bundesarchiv один. Ему нужны были дополнительные документы — те, что упоминались в перекрестных ссылках меморандума. Накануне они с Соней договорились продолжить работу, но теперь он решил сначала проверить несколько записей самостоятельно. Он пришел к открытию, с тем же гостевым пропуском. Однако в читальном зале его встретила не фрау Бергер, а другая сотрудница — моложе, суше, с поджатыми губами.

— Герр Потоцкий? Боюсь, я вынуждена вам отказать. Документы, которые вы запросили, сейчас недоступны.

— Почему? Вчера они были в описи.

— С сегодняшнего утра введены дополнительные ограничения. Есть распоряжение из министерства внутренних дел. В качестве основания указана необходимость защиты персональных данных третьих лиц.

«Началось», — подумал Потоцкий. Он знал, что подобные ограничения действительно существовали, но не мог понять, какое отношение к ним имеют документы военного времени. Сотрудница протянула ему официальный отказ на бланке. В графе «основание» значился номер распоряжения, в графе «подпись» — неразборчивая закорючка.

— Я могу поговорить с фрау Бергер?

— Фрау Бергер сегодня нездорова. — Сотрудница впервые подняла на него глаза. — Она просила передать, что сожалеет.

Потоцкий понял, что разговор окончен. Он вышел на крыльцо. Вчерашний дождь высох, но небо оставалось серым. Достав телефон, он написал Соне: «Архивы закрывают. Кто-то работает быстрее нас».

«Ой», — ответила дочь и прислала грустный смайлик.

Рейс задержали на два часа. Потоцкий сидел в аэропорту BER, пил безвкусный кофе из автомата и смотрел на табло, где напротив его рейса горело «Verspätung». Зал вылета был полупустой: несколько бизнесменов с ноутбуками, пара туристов с рюкзаками, пожилая немка с таксой в переноске. Собака скулила, хозяйка гладила переноску и приговаривала: «Geduld, Lotte, Geduld». Терпение, Лотта. Потоцкий подумал, что это могло бы стать неплохим девизом для всей его жизни.

Он открыл ноутбук, подключился к Wi-Fi и еще раз пересмотрел фотографии документов из Bundesarchiv: дневник Келлера, протокол допроса Хёнига, меморандум Гилле. Он перечитывал их уже в пятый или шестой раз, выискивая детали, которые могли ускользнуть. Гилле писал о «замещении» как о философском акте. Хёниг упоминал «Колыбель» и Северное Причерноморье. Келлер — лабораторию и технологию старения. Но нигде не говорилось, сколько именно произведений было скопировано. Десятки? Сотни? Ни один из документов не давал ответа.

Потоцкий создал новый файл и начал составлять таблицу. В левую колонку внес названия картин, которые, судя по документам, могли пройти через перевалочный пункт в Пиллау: «Спящая Венера», «Сикстинская Мадонна», «Автопортрет с Саскией», «Шоколадница», «Святая Инесса». В правой колонке указал их современное местонахождение. Дрезденская галерея, Берлинская картинная галерея, Эрмитаж. Многие произведения были возвращены после войны, отреставрированы, заново внесены в каталоги. Все считались подлинниками.

Он задержал взгляд на списке. В письме Гилле говорилось о четырех полотнах, а в его таблице было пять названий. Пока он не понимал, относились ли все эти картины к одной партии или документы описывали разные этапы операции. Не хватало сведений, чтобы сделать вывод.

Потоцкий сохранил таблицу и закрыл ноутбук. Объявили посадку.

В самолете ему досталось место у прохода. Рядом, у окна, сидел мужчина лет шестидесяти в дорогом пальто, с серебряной запонкой на манжете. Он читал «Frankfurter Allgemeine». Потоцкий сел, пристегнулся и приготовился к трем часам безделья. Но сосед, сложив газету, вдруг повернулся к нему.

— Извините, вы говорите по-немецки?

— Говорю. Но не слишком хорошо.

— Вы из Берлина?

— Из Москвы.

— А. — Сосед кивнул с таким видом, будто это многое объясняло. — Я бывал в Москве. Красивый город. Особенно метро.

Потоцкий приготовился к обычному обмену любезностями, но сосед вдруг продолжил:

— Вы исследователь? Я случайно увидел у вас в руках распечатку с пометкой «Bundesarchiv».

— Историк.

— Какая тема, если не секрет?

Потоцкий помедлил, подбирая слова.

— Перемещение культурных ценностей во время войны.

— О, тяжелая тема. — Сосед покачал головой. — Мой отец работал в Дрезденской галерее после войны. Реставратором.

Потоцкий повернулся к нему.

— Ваш отец работал в галерее? Когда?

— С пятьдесят пятого по семьдесят девятый. Он участвовал в возвращении коллекции. Ну, вы знаете — того, что вывезли русские.

— Как звали вашего отца?

— Эрих Брюкнер. — Сосед протянул руку. — Меня зовут Клаус. Отец умер в девяносто восьмом, но я помню его рассказы.

Потоцкий пожал ему руку.

— Что он рассказывал?

— В основном о реставрации. О том, как трудно было восстанавливать холсты после эвакуации. Но однажды он сказал странную вещь. Сказал: «Некоторые картины вернулись слишком хорошими». Я тогда не понял. А вы как думаете, что это могло значить?

Потоцкий не сразу ответил. Перед глазами возникли фотографии из архива, записи Келлера, результаты анализа Майера.

— Думаю, ваш отец был очень наблюдательным человеком.

Клаус Брюкнер кивнул и больше ничего не спрашивал. Остаток полета они провели молча.

Разговор был странным. Слишком уж точно он совпадал с тем, о чем Потоцкий думал последние дни. Он никогда не любил чудесных совпадений. Может быть, у него уже начиналась паранойя? А может, после всего увиденного он просто стал замечать то, мимо чего раньше прошел бы не задумываясь.

В Москве Потоцкий взял такси и поехал прямо в институт. По дороге проверил телефон. Два пропущенных звонка с неизвестного номера. Одно сообщение — от Леденева: «Нам нужно поговорить. Вечером. У меня».

Потоцкий перечитал его и ответил: «Буду в восемь».

Теперь он почти не сомневался, что бывший однокашник каким-то образом связан с происходящим. Но насколько глубоко — предстояло выяснить.

Лариса Петровна встретила его в отделе.

— Потоцкий, к тебе приходили.

— Кто?

— Мужчина. Высокий. Не представился. Спрашивал, как тебя найти. Я сказала, что ты в Германии. Он оставил вот это.

Она протянула визитку. Плотный картон, тиснение, никаких лишних деталей — только имя «Виктор Антонович Рахманов» и номер телефона с московским кодом. Без должности, без адреса, без электронной почты. Потоцкий повертел визитку в руках. Визитные карточки давно стали редкостью, но бумага была дорогой, с водяными знаками. Такие печатали в частных типографиях малым тиражом.

— Он сказал что-нибудь еще?

— Сказал, что ждет вашего звонка. И еще попросил передать: «Его дед был порядочным человеком».

Потоцкий убрал визитку в карман. Он не знал, кто такой Рахманов, но упоминание деда означало, что разговор, скорее всего, неизбежен. Только не сегодня.

— Спасибо, Лариса Петровна. Я позвоню ему.

Он прошел в архивный зал, сел за свободный стол и заказал дело «Sonderstab Antike» — то, что значилось в описи, но еще не было оцифровано. Через полчаса ему принесли тонкую папку с грифом «Рассекречено. Копия». Внутри оказалось всего несколько листов — уцелевшие фрагменты переписки между Берлином и Крымом за 1943 год.

Первое письмо было от Гилле к Зиверсу, датировано 4 апреля 1943 года:

«Работы дрезденской группы завершены. Все четыре полотна готовы к транспортировке. Оригиналы будут направлены в "Kolibri" согласно вашему распоряжению. Прошу подтвердить дату прибытия транспорта».

«Kolibri» — колибри. Не «Колыбель». Хёниг говорил о «Колыбели» — «Wiege», а здесь стояло другое слово. Что это: два разных хранилища или кодовые названия одного и того же объекта?

Потоцкий открыл немецко-русский словарь на телефоне. Kolibri — колибри. Wiege — колыбель. Разные слова, разный смысл. Но в протоколе допроса Хёниг цитировал Гилле: «То, что не должно вернуться, отправится в Колыбель». Мог ли американский следователь неправильно записать или перевести название? Или Гилле действительно использовал оба слова? Пока это оставалось загадкой.

Он перелистнул страницу. Второе письмо — ответ Зиверса, короткий, без подписи:

«Транспорт придет 18 апреля. Обеспечьте готовность. Маршрут — через Краков, Лемберг, Николаев. Конечный пункт — объект "М"».

Объект «М». Митридат? Или что-то другое?

Потоцкий достал блокнот и выписал все кодовые названия, которые встретились ему за последние дни: «Schatten», «K.U.T.», «Kolibri», «Wiege», объект «М». Пять имен одной тайны. Или пять разных.

Третье письмо было от неизвестного отправителя — подпись отсутствовала, адрес отправителя вымаран. Датировано 25 апреля 1943 года:

«Гилле сообщает, что все работы с головой завершены. Оригинал помещен в спецконтейнер и готов к отправке. Возникли разногласия по поводу коррекции губ. Гилле настаивает на удалении скорбной складки. Исполнитель возражает. Прошу указаний».

Исполнитель. Значит, был конкретный человек, который копировал голову. Не Гилле — он был идеологом и руководителем. Кто-то другой держал резец. Кто-то, кто осмелился возражать Гилле по поводу губ Ахилла.

Потоцкий переснял все три письма на телефон и вернул папку архивариусу. Часы показывали пять. До встречи с Леденевым оставалось три часа.

Он вышел из института в Леонтьевский переулок. Смеркалось. Мартовский воздух был сырым и теплым, снег почти стаял, на газонах чернела прошлогодняя трава. Потоцкий постоял немного, глядя на светящиеся окна института, и пошел в сторону Тверской.

Леденев жил на Патриарших, в старом доме, который когда-то был доходным, потом коммунальным, а теперь стал элитным — с подземным паркингом, консьержем и квартирами по двести метров. Патрики, как их называли теперь, были тихим местом даже в час пик. Дома с мраморными львами у подъездов, узкие переулки, липы, которые в начале лета пахнут медом. Потоцкий вспомнил, как они с Леденевым бродили здесь студентами и пили портвейн, купленный на последние деньги. Тогда Леденев жил в общежитии на Юго-Западе, в комнате на четверых, и мечтал о квартире с кабинетом. Теперь у него был кабинет размером с квартиру и какая-то другая жизнь, в которой Потоцкому, похоже, не было места.

Он никогда не спрашивал, откуда у Дмитрия деньги на такое жилье. Леденев был успешным историком, консультировал государственные структуры, входил в экспертные советы нескольких министерств. Его лицо мелькало в телевизоре — он комментировал реституционные споры, рассказывал о возвращении культурных ценностей, говорил правильные слова.

Консьерж проверил паспорт, позвонил в квартиру и пропустил. Потоцкий поднялся на пятый этаж. Леденев открыл дверь сам.

Он был в домашнем — мягкие брюки, свитер с высоким горлом, кожаные тапочки. Высокий, поджарый, с короткой стрижкой, еще не успевший поседеть. Когда-то они сидели за одной партой на лекциях по античной археологии, вместе ездили в первую экспедицию. Потом их пути разошлись: Потоцкий ушел в науку, Леденев — в карьеру.

Он провел Потоцкого в гостиную. Комната была большой, с панорамным окном, выходившим на Патриаршие. У стены стоял книжный шкаф из темного дерева, на полках — тома по искусству, каталоги выставок, несколько античных терракотовых статуэток. На журнальном столике лежали раскрытый ноутбук и чашка с недопитым чаем. Пахло натуральным деревом и дорогой туалетной водой.

Потоцкий сел на диван. Леденев остался стоять у окна, спиной к свету.

— Ты был в Берлине, — сказал он. Это был не вопрос.

— Был.

— И в Керчи до этого. И в Петербурге у Маркова. — Леденев помолчал. — Ты оставляешь следы, Алексей. Заметные следы.

— Кому заметные?

— Тем, кто смотрит.

Леденев отошел от окна и сел в кресло напротив.

— Рассказывай. Что ты уже знаешь?

Потоцкий помедлил. Потом достал из рюкзака папку — ту самую, дедову, — и положил на стол.

— Операция «Schatten». Sonderstab Antike. Лаборатория в Керчи. Гилле. Копии, которые заменили оригиналы.

Леденев не прикоснулся к папке. Он смотрел на Потоцкого, словно пытался понять, насколько далеко тот успел продвинуться.

— Ты проделал хорошую работу.

— Ты знал?

— Да.

— Давно?

Леденев вздохнул и откинулся в кресле.

— В девяносто пятом я работал в комиссии по реституции. Мы готовили передачу Германии очередной партии культурных ценностей. В описях обнаружилось странное несоответ-

ствие. Сначала я решил, что это обычная ошибка учета. Потом начал проверять другие документы. И понял, что дело не в одной записи.

— Что именно ты обнаружил?

— Что некоторые произведения, которые считались возвращенными, могли быть не теми предметами, которые были вывезены во время войны.

— Подмены?

— Тогда я еще не знал, как далеко все зашло. Но понял, что кто-то намеренно не хочет, чтобы мы продолжали поиски.

— Кто?

— Люди, которые называют себя Хранителями.

— И что они хранят?

— Правду. Или то, что считают правдой. — Леденев поднялся и подошел к книжному шкафу. Открыл стеклянную дверцу, достал небольшой керамический сосуд — чернолаковый, с красными фигурами. — Посмотри. Афинский лекиф, пятый век до нашей эры. Подлинник. Я купил его пять лет назад на аукционе. Знаешь, что сказал эксперт, который делал заключение? Что эта вещь имеет ауру. Что она помнит руки древнего мастера.

— К чему ты клонишь?

Леденев осторожно поставил сосуд на стол.

— К тому, что люди хотят верить в подлинность. Им важно чувствовать, что они прикасаются к прошлому. Не просто смотреть на красивую вещь, а знать, что ее действительно сделал человек две с половиной тысячи лет назад. И что будет, если выяснится, что часть музейных коллекций — результат грандиозной подмены? Что «Спящая Венера» не та картина, которую считали подлинной? Что некоторые античные мраморы могут оказаться копиями, изготовленными в лаборатории СС?

— Люди узнают правду.

— И что дальше? Ты думаешь, все спокойно примут эту правду? Музеи будут вынуждены пересматривать каталоги, эксперты — собственные заключения. Начнутся судебные споры, требования о возврате, обвинения в сокрытии. Но дело даже не в этом. Люди перестанут доверять тому, что видят. Не только картинам — самим музеям, специалистам, институтам. Ты готов взять на себя ответственность за последствия?

— А ты готов отвечать за то, что продолжаешь скрывать?

Леденев не сразу ответил. Он убрал сосуд обратно в шкаф и закрыл дверцу.

— Я вступил в Хранители около десяти лет назад. Не из страха, Алексей. Из убеждения.

Потоцкий смотрел на него. Перед ним сидел человек, с которым они когда-то делили хлеб в студенческой столовой МГУ. Тот же голос, знакомые жесты, но теперь между ними лежало что-то, чего Потоцкий не мог ни понять, ни принять.

— Ты слышал про моего деда, — сказал он.

— Павел Андреевич? Его имя встречалось в документах.

— Марков рассказал мне. Дед был в комиссии в сорок шестом. Он знал о ящике, знал, что произошло с головой. И тоже молчал.

— Значит, он понимал, что делает.

— Что именно он понимал? Что правда опаснее лжи?

— Что правда — не всегда то, что нужно немедленно предъявить миру. Иногда она может разрушить больше, чем исправить. Есть вещи, которые уже нельзя вернуть в прежнее состояние.

— Но их можно хотя бы назвать своими именами.

Леденев сел обратно в кресло.

— Ты думаешь, что оригиналы лежат в штольне под Керчью и ждут, пока ты их найдешь. А если их там нет? Если они уничтожены? Если ты вскроешь штольню, а там окажется пустота? Ты предъявишь миру доказательства подмены, но не сможешь показать оригиналы. Что тогда?

Потоцкий молчал.

— Тогда мир останется без подлинников и без веры в копии, — продолжил Леденев. — Ни того ни другого. Только пустота. А пустота быстро заполняется слухами, обвинениями и хаосом. Ты этого хочешь?

— Я хочу знать, что находится под Митридатом.

— А если там ничего нет?

— Тогда я буду знать, что ничего нет.

Леденев долго смотрел на него, потом покачал головой.

— Ты не остановишься.

— Нет.

— Тогда я должен тебя предупредить. Рахманов — ты, я думаю, уже слышал это имя. Он не просто один из Хранителей. Его отец подписал акт о консервации, и Виктор Антонович считает, что продолжает его дело. Он не причинит тебе вреда — пока. Но если ты подойдешь слишком близко, он будет вынужден.

— Что значит «вынужден»?

— Не знаю. Я не участвую в оперативных решениях. Я занимаюсь аналитикой. Но скажу тебе то, чего, наверное, не должен говорить. Сейчас обсуждают, что с тобой делать. Есть два варианта: нейтрализовать или предложить сотрудничество.

— Сотрудничество?

— Ты талантливый историк. У тебя есть опыт, связи, необходимая квалификация. И, как теперь выяснилось, хорошее чутье. Они могут предложить тебе работу. Официальную, с достойным бюджетом, собственной лабораторией, оборудованием и исследовательской группой. Взамен ты прекращаешь самостоятельные поиски, передаешь им все материалы и больше не выносишь эту историю за пределы их круга.

Потоцкий на секунду представил: лаборатория в Берлине или Москве, современное оборудование, штат сотрудников, возможность заниматься настоящей наукой, а не давать унизительные консультации для недоверчивых коллекционеров и аукционных домов. Он представил, как говорит Соне: «Мы переезжаем в новую квартиру». Эта мысль оказалась неожиданно приятной. Теплой, почти домашней. Соблазнительной.

— И ты считаешь, я соглашусь?

— Нет. — Леденев посмотрел на него. — Но я считаю, что ты должен знать, что тебе могут предложить. И что отказ не останется незамеченным.

— А ты сам согласился?

Леденев отвел взгляд.

— Я уже сделал свой выбор.

Потоцкий понял, что больше ничего не добьется. Он поднялся, убрал папку в рюкзак и направился к выходу. Леденев не стал его провожать до двери.

— Будь осторожен, Алексей, — сказал он вслед. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Тогда помоги мне узнать правду.

Леденев ничего не ответил.

Дверь за Потоцким закрылась мягко, с тихим щелчком магнитного замка.

На улице уже стемнело. Потоцкий вышел на Патриаршие и постоял, глядя на пруд. Вода была темной, почти черной, и в ней отражались окна домов. Он думал о том, что Леденев, возможно, действительно верил в то, что говорил. Не оправдывал себя, не пытался просто

выгородить организацию — искренне считал, что защищает нечто важное. Но от этого его слова не становились убедительнее.

Потоцкий вспомнил их студенческие годы, разговоры о раскопках, споры о подлинности и копиях. Тогда они оба верили, что задача историка — докопаться до истины, какой бы неудобной она ни оказалась. Теперь один из них считал, что иногда истину следует оставить в покое.

Он усмехнулся и пошел к метро. Прошел мимо детской площадки, мимо памятника Крылову, мимо скамеек, на которых летом сидят московские пенсионеры. На ходу набрал Соню. Она ответила почти сразу.

— Ты где?

— В Москве. Был у Леденева.

— У кого?

— У моего бывшего сокурсника.

— И как разговор?

Потоцкий помедлил.

— Он с ними.

Соня замолчала.

— С Хранителями?

— Да.

— И чего они хотят?

— Чтобы все оставалось как есть. Они считают, что люди должны продолжать верить в подлинность того, что видят в музеях. Что разоблачение может разрушить больше, чем сама подмена.

— А ты что ему сказал?

Потоцкий посмотрел на темные окна домов.

— Что хочу знать, что находится под Митридатом. И что, если там ничего нет, я должен это выяснить сам.

— Пап, ты уверен, что понимаешь, во что ввязываешься?

— Нет, Соня. Не уверен.

Он помолчал, подбирая слова.

— У меня есть ощущение, что это осиное гнездо все-таки надо разворошить. Прости, что втянул тебя в эту историю. Я не хотел, чтобы ты оказалась в опасности.

— Я сама решаю, во что ввязываться, — сказала Соня. — Только, пожалуйста, не исчезай и не пытайся все делать один. Держи меня в курсе.

— Хорошо.

Потоцкий убрал телефон. В кармане лежала визитка Рахманова — плотный картон с водяными знаками. Он достал ее, еще раз посмотрел на имя и номер, затем убрал обратно. Звонить сегодня он не собирался.

В голове вертелась фраза из дневника Келлера: «Гилле говорит, что это не подделка, а замещение».

Теперь Потоцкий начинал понимать, что имелось в виду. Замещение — это когда ложь становится правдой, потому что никто уже не помнит, как было на самом деле. И хранители этой лжи — не обязательно злодеи. Многие из них искренне верят, что спасают мир.

Он вызвал такси и поехал домой. К встрече с Рахмановым нужно было подготовиться. Тот еще не звонил, но Потоцкий почему-то был уверен, что позвонит. Однако прежде всего следовало вернуться в Керчь. Он хотел снова увидеть схему, которую дал ему Фемистоклов, и разобраться, что именно могло скрываться под западным склоном Митридата.

Времени на раскачку не оставалось..

ГЛАВА 8. «ГРАНИЦА ЛЬДА»

Звонок раздался в половине восьмого утра. Потоцкий только вышел из душа и стоял на кухне с полотенцем на плечах, раздумывая, хватит ли в кофемашине зерен на нормальную порцию или опять придется заливать вчерашнюю гущу. Телефон завибрировал на подоконнике. Номер не определился. Он взял трубку.

— Алексей Андреевич? — Голос был мужской, ровный, без интонаций. — Вас беспокоят из приемной Виктора Антоновича Рахманова. Он просил передать, что будет рад видеть вас сегодня в двенадцать часов. Адрес я вышлю сообщением. Машина подойдет к вашему дому в одиннадцать тридцать.

— Я не просил машину.

— Виктор Антонович настаивает.

Связь прервалась. Потоцкий еще несколько секунд держал телефон у уха, затем положил его на стол и сел. Значит, Рахманов решил не ждать, пока он сам позвонит. Вчерашняя встреча с Леденевым, похоже, ускорила события. Потоцкий не знал, что именно связывало этих людей и насколько далеко простиралась осведомленность Хранителей, но приглашение, сделанное с такой настойчивостью, трудно было счесть обычной любезностью.

Кофе он все-таки сварил — зерен хватило ровно на одну чашку. Пил медленно, глядя на стену, где висела старая карта античного Причерноморья, которую он когда-то купил в букинистическом на Арбате. Пантикапей, Фанагория, Ольвия, Херсонес — греческие колонии, вытянувшиеся вдоль побережья, как пунктир. Он думал о том, что Гилле, вероятно, смотрел на такую же карту в своем кабинете в Берлине, когда планировал маршрут для объекта «М». И о том, что дед, составляя описи в Пиллау, тоже должен был изучать карту — только его маршрут был обратным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.